

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ЧЕСТНОЕ СЛОВО
ВОРА

Блатной

Михаил Серегин

Честное слово вора

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

Честное слово вора / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Блатной)

Коля Колыма всегда слыл пацаном «правильным» и среди блатных авторитетом пользовался заслуженным, ибо жил и мыслил исключительно «по понятиям», чтил, что называется, неписанный кодекс воровского мира. Но однажды он влип по самое «не могу». Шутка ли: сам Батя, смотрящий по Магаданской области, дал ему на хранение свои кровные, честно заработанные сто кило золота, предназначенные для «грева» лагерного начальства, а Коля в одночасье «рыжъя» лишился – какие-то камуфлированные отморозки совершили гусарский налет на его квартиру, замочили корешей Колымы и забрали драгметалл. Самому Коле, правда, удалось избежать участи покойника; он даже узнал, кто всю эту пакость ему устроил. Но что толку: Батя-то теперь уверен, что это Колыма «увел» золотишко, срежиссировав спектакль под названием «Налет на хату». Выход один – найти и наказать «крысу»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил СЕРЕГИН

ЧЕСТНОЕ СЛОВО ВОРА

Глава 1

В Магаданской области март – это еще зима. Морозы, снегопады, метели – температура воздуха редко поднимается выше минус двадцати пяти градусов, север есть север. Даже в областном центре в это время года люди стараются как можно больше сидеть дома, в тепле, и выходить на улицу только по делу. Но поздним вечером дел, требующих выхода на улицу, у людей, как правило, не бывает, и поэтому дальняя окраина Магадана, застроенная двух- и трехэтажными домами барачного типа, в одиннадцать часов вечера казалась совершенно вымершей: только подгоняемая легким ветерком бежит по земле поземка, да мрачно чернеют огромные тени на сугробах.

Долгое время ничто не нарушало тишины, пока около половины двенадцатого издали не донесся постепенно приближающийся звук работающего мотора. Вскоре показался и источник звука – старенький серый джип, неторопливо кативший по абсолютно пустынной улице между двумя рядами серых домов. Вот джип проехал перекресток, вот миновал строение, на первом этаже которого располагался круглосуточный магазин, – значит, не за добавкой мужик едет и не за закуской. Наконец, джип уменьшил скорость и остановился напротив одного из трехэтажных домов, ничем на первый взгляд не примечательного. Сидевший за рулем невысокий черноволосый мужчина с острым лицом поднял голову и пристально посмотрел на дом. Светилось только одно-единственное окошко на третьем этаже.

Водитель джипа беззвучно пошевелил губами, словно что-то прикидывая, а потом удовлетворенно кивнул, заглушил двигатель и вылез из машины. Он брезгливо поморщился, обходя обширную помойку, красовавшуюся на подступах к дому, и завернул за угол, обходя трехэтажку. Было совершенно не похоже на то, что этот человек приехал к себе домой – если бы это было так, то он наверняка постарался бы получше пристроить свою машину, а не бросать ее без малейшего присмотра на улице, где ее запросто могут угнать. Милиция в такие районы, как этот, навевается очень редко, а угонщики везде есть.

Но вышедший из машины человек явно не боялся угонщиков. Он обогнул дом, подошел ко второму подъезду и внимательно осмотрел стоящие возле него машины. После этого он снова удовлетворенно кивнул, прикрываясь воротником пальто от ветра, зашел в подворотню, достал мобильный телефон и набрал номер.

В трубке раздался долгий гудок, потом второй, а за ним третий, прерванный на середине низким мужским голосом.

– Слушаю.

Вышедший из джипа остролицый мужчина тут же нажал отбой, в третий раз кивнул собственным мыслям и набрал номер. На этот раз ответа долго ждать не пришлось, мобильник сразу же отозвался другим голосом – резким и напряженным.

– Да?

– Все в порядке. Они там.

– Все?

– Я позвонил туда – трубку взял хозяин. А тачки гостей стоят у подъезда. Можно начинать.

– Отлично. Отбой.

Водитель джипа выключил телефон, вышел из подворотни и быстрым, но спокойным шагом пошел обратно – по направлению к своей машине. Но уезжать он, видимо, пока не

собирался. Подойдя к джипу, остролицый на секунду задержался, напряженно всматриваясь в темноту, но тут же черты его лица смягчились: он явно увидел то, что ожидал. Из темноты медленно и величественно, как большая рыба из подводной пещеры, выплыл «ЗИЛ» с вертикальным подъемником-платформой над кунгом – такие машины обычно используют для замены троллейбусных проводов и ламп на фонарных столбах.

«ЗИЛ» двинулся к дому – как раз к тому месту, где было освещенное окно. Мужчина махнул рукой водителю «ЗИЛа», перешел дорогу и вошел в подъезд дома, стоящего напротив того, на который он только что обратил такое пристальное внимание. Поднявшись на второй этаж, мужчина достал из кармана пальто бинокль, миновал еще один лестничный пролет, подошел к подъездному окну, поднял бинокль к глазам и стал внимательно наблюдать за единственным светлым окном дома напротив и за «ЗИЛом», уже начавшим поднимать к нему свою платформу.

Глава 2

На темной лестничной клетке перед закрытой металлической дверью в напряженных позах стояли двое. Оба были одеты в камуфляжные куртки и штаны, под одеждой отчетливо просматривались очертания бронежилетов, лица скрывали черные вязаные маски типа «ночь», а на плечах висели автоматы. Из нагрудного кармана одного торчала черная антенна портативной рации. Так обычно выглядят собровцы при «зачистке» или другие спецотряды правоохранительных органов при проведении силовых операций. Впрочем, камуфлированные напоминали собровцев не только одеждой и снаряжением – их в нынешние времена может раздобрить практически кто угодно, были бы деньги и желание, – но стоящих у двери отличала еще специфическая манера поведения, свойственная бойцам спецотрядов, – хорошо заметная опытному глазу уверенность в себе. Движения их были осторожны и бесшумны, но эта осторожность напоминала осторожность кота, боящегося спугнуть мышь, они явно несколько не опасались того, что их могут увидеть, запомнить или что им могут помешать, все их внимание было устремлено на металлическую дверь квартиры, перед которой они стояли.

Тот, что был ближе к двери, сунул руку в карман, вытащил газовый мини-баллон и кивнул напарнику. Тот поднес к баллону зажигалку и крутанул колесико. Из горелки совершенно беззвучно забила струя ровного пламени. Держащий горелку повернулся к двери и начал медленно, бесшумно и очень аккуратно резать дверь вокруг петель. Это заняло совсем немного времени – спустя пять минут работа была закончена. Теперь оставалось лишь чуть поддеть дверь ногой снизу, и она ляжет на руки ночных гостей. Все движения камуфлированных были отточенными, плавными и абсолютно бесшумными, они немного напоминали какой-то злоеущий танец. Даже работающая горелка не издавала ни малейшего звука. Из-за этой полной бесшумности и плавности движений казалось, что все это происходит где-то под водой или в космосе, но уж никак не на прозаической лестничной площадке в подъезде самого обыкновенного трехэтажного дома на окраине Магадана.

Стоявший у двери выключил горелку и спрятал ее в карман. Потом кивнул своему напарнику, экономным движением передвинул автомат со спины на живот и перевел предохранитель в положение «огонь одиночными». Те же движения, словно отражение в зеркале, проделал второй камуфлированный. Они встали – один чуть справа от двери, другой – чуть слева – и застыли, словно каменные изваяния, только тот, что с рацией, постоянно поглядывал на нее – он явно ждал сигнала.

Глава 3

Единственное светлое окно в том доме, около которого только что началась вся эта суета, было окном кухни квартиры номер восемнадцать, и сейчас в ней за деревянным столом, покрытым клетчатой клеенкой, под тусклой лампочкой сидели три человека и мирно разговаривали, посматривая на плиту, на которой стояла металлическая кружка с закипающей водой. Кухня была большая, но довольно грязная и захламленная – раньше в этом бараке располагалась казарма конвойных войск МВД, но несколько лет назад дом перешел в собственность муниципалитета и стал жилым, а бывшие казармы стали коммунальными квартирами, в каждой из которых жили как минимум по три-четыре семьи.

Но те трое, что сидели сейчас на кухне восемнадцатой квартиры, не были соседями, решившими скоротать долгий вечер за чашкой чая или чего покрепче. Из всех троих жил здесь только один – сидевший сейчас во главе стола невысокий сухопарый мужчина лет тридцати пяти, с коротко стриженными темно-русскими волосами, острым, хищным лицом и тяжелым взглядом. Было в его облике что-то волчье, опасное.

Сидевшие с ним за одним столом гости явно чувствовали это и относились к хозяину с подчеркнутым уважением, хотя и были с ним, судя по всему, в хороших отношениях, да и сами никак не производили впечатления хлюпиков. Пальцы всех троих были густо покрыты татуировками, ясно говорившими об их богатом уголовном прошлом, а также немалом авторитете и положении в преступном мире. На столе была нехитрая еда: большая тарелка с вареной картошкой, от которой еще шел горячий пар, нарезанный крупными ломтями черный хлеб, несколько соленых огурцов и три банки дешевых рыбных консервов.

– Ешьте, пацаны, – сказал хозяин и, подавая пример гостям, придвинул к себе тарелку. – Сейчас поедим, как раз вода закипит, чифирю попьем...

– Спасибо, Колыма, – почти хором ответили ему оба сотрапезника и тоже принялись за еду.

Ели все быстро, но очень аккуратно, не оставляя ни на тарелках, ни рядом с ними ни крошки – характерная примета тех, кто недавно «откинулся» с зоны и еще не привык к вольной жизни.

Закончив есть, хозяин, которого называли Колымой, встал со своего места и подошел к плите. Вода в стоявшей на ней кружке как раз закипела, и Колыма, голой рукой ухватив кружку за ручку, быстрым движением перенес ее на стол. Потом он шагнул к навесному шкафчику, висевшему на стене, открыл дверцу, достал оттуда пачку черного чая, вскрыл ее, высыпал все содержимое в воду, помешал ложкой, а потом накрыл кружку сверху металлической миской.

– Сейчас настоится, и чифирнем, – сказал он, снова садясь за стол.

Гости смотрели на хозяина выжидательно. Однако прошло несколько минут, и стало понятно, что первым нарушать тишину он не собирается.

– Так что у тебя за дело-то было к нам, Колыма? – спросил наконец сидевший по правую руку от хозяина низкорослый, коротко стриженный плечистый мужчина, куском черного хлеба очищая тарелку от последних крошек картошки и остатков подсолнечного масла.

– Погоди, о деле потом поговорим, – отозвался хозяин, снимая миску с кружки. Он взял мелкое сито, отцедил заварку, убрал вторяки в сторону, отхлебнул из кружки чифиря и передал ее соседу, пуская по кругу.

– Вот чифирю попьем, тогда и о деле, – продолжил хозяин. – Всему свое время. Ты лучше расскажи пока, как дела на зоне обстоят, ты ж недавно откинулся – вон даже волосы еще отрасти не успели...

– Да какие у нас там дела, дела в спецчасти, у нас делишки... – по лагерному ответил плечистый, принимая кружку и прикладываясь к ней. – А что откинулся недавно, так ты, Колыма, и сам только полгода, как от хозяина, сам все знаешь.

– Знать-то знаю, да не просто из любопытства спрашиваю. А полгода – это срок немалый, многое измениться может. Так что рассказывай. – Колыма говорил спокойно, но в его голосе слышались скрытый напор и сила – возражать ему было трудно.

Впрочем, его собеседник возражать и не пытался.

– Да что тут рассказывать? – Он пожал плечами. – Беспредел полнейший творится, и чем дальше, тем круче. Правильным вора́м все труднее порядок поддерживать – отморозков, которые ни закона, ни порядка не признают, в зоны все больше попадает, а нормальных пацанов совсем мало осталось. Да еще и менты наглеют. Последнее время вообще жизни от них никакой не стало – гнобят режимом так, что вздохнуть некогда. Веришь, Коля, правильных блатных на работу загонять силой пытались – уж лет пять такого не было!

– Да уж и не пять, побольше, – кивнул хозяин. По его лицу было видно, что он не услышал ничего неожиданного – просто подтвердились его ожидания. – Это что ж, на «пятнахе», где ты сидел, было?

– Ну да. Сколько уж лет нас не трогали, знают ведь, что вора́м работать запаadlo, не пойдем мы на это, а все равно поперли. Прикопались: работайте, или жрать не дадим.

– Да это уж совсем беспредел! – возмущенно заявил второй из гостей Колымы, сидевший с левой стороны стола. – Положняк – это святое! Говорю же – вконец обнаглели.

– И что вы сделали? – хмуро поинтересовался Колыма. – Работать-то не стали?

– Обижает, Коля! Как бы я тогда с тобой за один стол сел, как бы честным вора́м в глаза посмотрел?! Мы там голодовку устроили, а на вольняшку маляву кинули, чтобы кореша подогрели кого надо, к нам внимание привлекли. В общем, как серьезным скандалом запахло, администрация чуть поутихла, они ж скандалов боятся. Но, сам понимаешь, и ненадолго это, и обшак убыток большой понес... Да еще один пацан из моей семьи руку за это отдал.

– А это как?

– Сам себе посек. Вывели нас на работу и давай прессовать... Причем по-умному прессовали – не всех вместе, а по очереди. А этот пацан по алфавиту как раз первый был. Ну, вертухай ему и говорит: «Работай!» Тот отвечает: «Не буду». Вертухай ему стволом автомата по почкам и снова: «Работай!» А пацан ему снова: «Не буду». Тот ему снова по почкам и третий раз: «Работай!» Ну, пацан кивает. Я уж думал все, сломался, а оказалось, нет. Подошел к ящику с инструментом, взял оттуда топорик, да себе по руке и рубанул. Да так, что кисть совсем отлетела. Ну, его в санчасть, нас снова по баракам разогнали, а потом шуму из-за этого много было, мы чуть бунт не подняли, да смотрящий не велел – сказал, что рано.

– Правильно сказал, – кивнул Колыма. – Такие вещи с налету не делаются, их готовить надо, иначе кровью умоешься, а толку не будет.

– Ну да, смотрящий так и сказал, – кивнул плечистый. – И это я тебе, Колыма, еще мало очень рассказал. Со свиданками и передачами вообще никакого житья не стало. Раньше как бывало? Присылают пацану родственники блок сигарет, килограмм сахара да килограмм по два луку и сала – вертухай себе часть заберут, но часть и тому отдадут, кому послали. И брали обычно немного, не больше четверти, совесть имели. А сейчас если и отдадут посылку – то там такие остатки жалкие, что и смотреть стыдно, а бывает, и вообще не отдают. Где на них управу-то искать? Свиданки, считай, совсем запретили, по любому поводу в карцер сажают или срок накидывают. И лупить чаще стали за любую малость. В общем, житья совсем не стало на зоне...

Колыма несколько секунд помолчал, а потом тихим голосом, как будто не гостям, а самому себе, сказал:

– Да, правда беспредел на зонах творится, давно такого не было, прав Батя...

– Батя? – услышав это погоняло, сидевший слева оживился. – А что, Батя этим решил заняться? Эх, хорошо бы... Батя такой человек, что уж если берется какой косяк исправлять, то дело до конца доводит.

– Это уж точно. – На этот раз в голосе Колымы звучало неподдельное уважение.

Чувствовалось, что человек, о котором зашла речь, является для него непререкаемым авторитетом, а это дорогого стоило. Чтобы добиться такого отношения к себе со стороны Коли Колымы, личность эта должна была быть действительно незаурядной. Впрочем, упомянутый Колымой Батя, смотрящий по Магаданской области, и был именно такой личностью. Вор в законе, умудрившийся дожить до шестидесяти одного года, уже только этим вызывает к себе огромное уважение, а Батя сумел прожить свою долгую жизнь, ни разу не запятнав воровской чести и не изменив своим принципам. На его примере молодых пацанов обучали жить по понятиям, а беспредельщики, которых он всегда люто ненавидел, боялись его даже сейчас, когда позиции блатных в Магаданской области сильно пошатнулись.

– Так Батя же сейчас на зоне? Или откинулся уже, а я не знаю? – удивленно спросил плечистый.

– Нет, не откинулся. Батя сейчас на «двадцатке» парится, под Ягодным, – сказал Колыма.

– А как же он тогда это дело разрулит?

– Вот об этом мы сейчас и поговорим. – Голос Коли стал резче и решительнее, чувствовалось, что сейчас, наконец, разговор пойдет о деле. – Батя кинул мне с «двадцатки» маляву. Пишет о том же, о чем ты, – Коля кивнул плечистому, – мне сейчас рассказал. Там тоже ментовский беспредел начался, блатных начали режимом гнобить по-черному. Про послабления пацаны уже и думать забыли, того и гляди до того же, что и на «пятнахе», докатится, на работу погонят. В общем, Батя решил помочь всей магаданской братве и этот косяк исправить. Он мне написал, что хочет по-крупному подогреть нашего областного начальника УИН, и поручает это дело мне. А уж «хозяин» потом даст своим команду, чтобы они не зверели, и все будет путем.

– Коля, а денег хватит? – спросил сидевший по правую руку от хозяина гость. – Общак сейчас полупустой: если по-крупному греть «хозяина», то денег, считай, совсем не останется, а ведь время беспокойное – сам знаешь, без запаса оставаться никак нельзя.

– А Батя не из общака «хозяина» греть собрался. Это же Батя, правильный человек, блатной по жизни. – В голосе Коли снова прозвучало неподдельное уважение. – Он ради братвы никогда ничего не жалел и не пожалеет. Батя и сейчас, с зоны, несколько крупных приисков и артелей контролирует, а «отгоны», которые ему причитаются, они пока мне ссыпают, на сохранение. Так вот, пацаны, Батя своих личных «отгонов» не пожалел, чтобы братве помочь, он мне в маляве как раз и написал, чтобы я из его доли на подогрев «хозяина» отсыпал.

– По-онял, – протянул плечистый. – Так ты нас из-за этого и позвал?

Колыма кивнул:

– Да. Сами понимаете, один я все не сделаю, помощь понадобится. Нехорошо такими делами в одиночку заниматься, нужно, чтобы были рядом правильные пацаны, которые все видят, а если что – подтвердят, что все было по-честному. Да и опасно одному с золотишком работать – отморозков последнее время развелось как грязи. И спортсмены, качки недоделанные, и черные из «Ингушзолота» – все так и норовят лапу на чужой кусок наложить.

– Что, все так плохо? – Плечистый удивленно поднял брови. – Раньше «зверьки» ходили по струночке, чихнуть лишний раз боялись...

– Ты сел-то уже года три назад, многое с тех пор поменялось. Обнаглели горцы вконец, последнее время вообще повадились под ментов косить. Приедут на ментовской машине, в форме, как полагается, заластают пацанов – типа задержание. Ну, пацаны особо не ерепенятся, знают, что их отмажут легко, нет на них ничего у ментов. А потом оказывается, что менты про это задержание слыхом не слыхивали, а пацанов тех задержанных словно и не было никогда.

– Дела-а... – удивленно протянул плечистый. – А что за спортсмены?

– Да тоже недавно появились. Разные самбисты бывшие, борцы да штангисты. Поняли ребята, что дельных спортсменов из них не выйдет, вот и решили в рэкетиры податься, с золотоискателей денежек посшибать. Мы пробовали им объяснить, где их место, но ведь это отморозки, беспредельщики. Про закон и понятия они никогда не слышали, закон у них один – у кого кулак крепче. А впрямую с ними силой мериться тяжело, их ведь в каждом этом их паршивом клубе по три-четыре десятка, и все амбалы нехилые.

Несколько секунд все трое мрачно молчали, потом Коля помотал головой и сказал:

– Ладно, пацаны. С ними со всеми мы еще поговорим, настанет время. А пока нам нужно сделать, что Батя велел: братве на зонах помочь.

Он встал из-за стола, вышел из кухни, а через несколько минут появился снова, с видимым усилием неся грязное ведро, заляпанное потеками застывшего цемента.

– У тебя что, «рыжье» прямо здесь? – изумленно спросил плечистый. – В этой хавере?!

– Именно здесь, – твердо сказал Колыма, ставя ведро рядом со столом и выбрасывая из него какие-то грязные промасленные тряпки. – Подумай сам: кому придет в голову его здесь искать? Маскировка – великая вещь.

Он начал выгружать из ведра мешочки с золотым песком и самородками – обычную валюту в Магаданской области.

Опустошив ведро, снова направился к выходу из кухни.

– Это что, не все? – с еще большим удивлением спросил плечистый. – Сколько ж его тут?

– Не все. Здесь половина. А всего у меня почти сто килограммов, – спокойно ответил Колыма. – Ты меньше болтай и удивляйся, не маленький ведь.

Второй гость кивнул и сказал плечистому:

– Правильно Колыма говорит. Треплешься ты слишком много. А «рыжье» Коля хорошо спрятал. Мне и сказал бы кто, что оно в этом ведерке затарено на такой хазе, я бы не поверил. А нам того и надо.

Колыма кивнул, снова вышел из кухни и вернулся с другим ведром, из которого он выгрузил вторую порцию золота.

– Как мы «рыжье» в бабки-то переводить будем, Коля? – спросил тот из гостей, что был более молчалив. – Обычными путями долго будет, уж очень его много.

– Подогрев «хозяину» прямо так пойдет, в золоте, – ответил Колыма. – Так оно надежнее. На нем ни серии, ни номера, факт взятки в жизни не докажут. А уж «хозяин» дальше сам разберется. У него, я думаю, и свои каналы найдутся. Да и не наше это дело, как он «рыжьем» распорядится, нам нужно ему отмерить, сколько Батя велел.

– Мерить сейчас будем?

– Конечно. А для чего я, по-твоему, «рыжье» выложил? Сейчас только весы аптекарские принесу, они у меня в дальней комнате...

Колыма снова вышел из кухни, и за столом, заваленным золотом, остались только два его гостя. Они спокойно ждали хозяина, лениво обмениваясь ничего не значащими репликами, прикладываясь время от времени к кружке с чифирем и посматривая на лежащее на столе золото. На этот раз Коли не было дольше, чем в предыдущие разы, – ну да, золото у него, видать, было под рукой, а весы, он сам сказал, где-то в дальней комнате.

– Слушай, – начал один из сидевших за столом, – а как ты думаешь...

Но закончить фразу ему было не суждено. В этот момент взгляд блатного совершенно случайно упал на окно, и он осекся на полуслове, одновременно привставая с табуретки и широко раскрывая рот для громкого крика. Открывшаяся ему картина была столь неожиданна и устрашающа, что, даже будь у него несколько лишних секунд жизни, он не успел бы ничего понять.

За двойным стеклом – на расстоянии вытянутой руки от окна – был человек. Мужик в маске, камуфляже, бронежилете и с замысловатым пистолетом в руке, направленным на сидев-

ших за столом. Крикнуть «шухер!» увидевший его блатной не успел, не успел и понять, как противник оказался за окном третьего этажа, – мужик нажал на спуск.

Начальная скорость пуль была так велика, что они прошивали оконное стекло насквозь, без осколков, оставляя за собой только маленькие дырочки с разбегающимися от них паутинками мелких трещинок. Первая пуля с мерзким хлюпающим звуком попала успешему привстать блатному в середину груди и прошла навывлет, оставив в его спине кровавую дыру величиной с кулак. Блатного отбросило в угол кухни, он рухнул на пол, заливая хлещущей из раны кровью грязный линолеум, захрипел, попытался привстать... Но это уже была предсмертная агония.

Вторая и третья пули, которые от первой отделяло меньше секунды, стрелявший выпустил по второму из сидевших за столом. Одна из них попала ему в середину лица и разнесла череп практически вдребезги, а вторая угодила в шею и едва не оторвала от плеч то, что осталось от головы. Стрелявший использовал очень серьезный калибр и мощный пистолет, да и пули были из арсенала спецсредств. Мелкие кровавые брызги усеяли всю кухню – от пола, плиты и грязных шкафчиков до потолка.

На стол, на мешочки с золотыми слитками и песком хлынула кровь и брызнули мозги из разнесенной головы: на пол за спиной блатного упал кровавый кусок черепа с ошметками плоти, а секундой позже тело с кровавым месивом на месте головы рухнуло под стол. Все выстрелы были почти абсолютно бесшумны – на пистолете был отличный немецкий глушитель.

В следующую секунду окно кухни вылетело, и стрелявший ворвался внутрь. Он спрыгнул с подоконника на пол и шагнул в угол, где бессильно скреб скрюченными пальцами по полу первый из блатных. Он лежал на спине, из-под него уже вытекала большая кровавая лужа, но он был еще жив и даже пытался что-то сказать. Но холодеющие губы не слушались его, а после очередного усилия изо рта темной густой струей хлынула кровь. Камуфлированный хладнокровно поднял пистолет и, глядя своей жертве в глаза, нажал на спуск.

Пуля попала в голову, тело блатного последний раз дернулось и застыло. На этот раз окончательно.

В то же самое время железная дверь квартиры плавно завалилась наружу, и двое мужиков в камуфляже, стоявшие за ней наготове, получив ожидаемый сигнал, ворвались в прихожую и двинулись по ней вперед. А за спиной ворвавшегося в кухню мужика через окно проникли еще двое, экипированные так же, как и он, – маски, камуфляжи, бронежилеты, пистолеты с глушителями. Единственное отличие в их экипировке состояло в том, что у каждого из них было по черному чемодану с кодовым замком.

Они быстро подошли к столу и стали спешно сбрасывать лежавшее на нем золото в свои чемоданы. Эта операция заняла у них меньше минуты, а когда они закончили, первый из ворвавшихся в кухню, который все это время настороженно прислушивался, резко махнул им рукой на выход и громким шепотом скомандовал:

– Найти третьего! Быстро! Чемоданы оставьте здесь, и вперед. И побыстрее, побыстрее, не миндальничать! У него даже оружия тут нет.

Камуфлированные двинулись к двери, а старший вытащил из нагрудного кармана рацию и сказал в нее:

– Хозяин жив, где-то в квартире. Найти и убрать как можно быстрее.

Уже не скрываясь и не стараясь двигаться бесшумно, камуфлированные растеклись по квартире. Двое шли со стороны прихожей и двое со стороны кухни. Квартира оказалась неожиданно большой, в коммуналке было не меньше десятка жилых комнат, расположенных хитрым лабиринтом, да еще и несколько подсобных помещений разной степени захламленности.

– Откройте, милиция! – заколотил в одну из дверей камуфляжник, держа наготове автомат.

Несколько секунд ответа не было, но, после того как от мощных ударов с потолка начала сыпаться побелка, внутри раздались шаги, послышался чей-то испуганный голос. Дверь открылась, и на пороге возник невысокий мужик в семейных трусах и с опухшей физиономией. Из-за его плеча испуганно выглядывала толстая женщина в бигудях и ночной рубашке.

– Чего надо? Мы ничего... Мы спим, ничего не нарушаем, – сиплым со сна голосом начал мужик, дыхнув перегаром, но камуфлированный, даже не пытаясь вступить в разговор, отодвинул его плечом, вошел в комнату и стал осторожно осматриваться.

– Да ты что, офигел?! – решил возмутиться мужик, которому еще не выветрившийся из головы хмель придавал храбрости. – Ты этот... как его... ордер покажи!

– Молчать. Идет спецоперация, – не оборачиваясь, ответил камуфлированный и, увидев вход во вторую, смежную с этой комнату, двинулся туда. Мужик с бабой растерянно переглянулись, но продолжать возмущаться не решились.

Пройдя по длинному и грязному коридору, второй из вошедших через подъезд добрался до захламленного закутка с грязно-голубой деревянной дверью и несколько раз сильно ударил по ней кулаком.

– Откройте немедленно!

Здесь ответа долго ждать не пришлось.

– Да что это за безобразие! Ни днем, ни ночью покоя от вас нет! Я сейчас милицию вызову! Кого там принесло?! Опять ты, Сашка, алкаш проклятый?!

Дверь широко распахнулась, и на пороге появилась толстая бабка с лицом профессиональной склочницы. Она уже открыла рот для новой гневной тирады, но, увидев перед собой здорового амбала с автоматом наперевес, поперхнулась и удивленно вытаращила глаза.

– А вы... А вы кто? Вы к кому?

– Пропустите в комнату, необходимо провести осмотр, идет спецоперация.

Бабка, вероятно, тут же сообразив, что ночной визитер не киллер, нанятый благодарными соседями в качестве признания ее заслуг, а представитель официальных органов правопорядка, тут же снова завелась. По ее лицу было видно, что она уже всеми фибрами души предвкушает скандал и своего не упустит. Судя по всему, скандалы были чуть ли не единственным ее увлечением и смыслом жизни.

– Какой еще осмотр?! Я честная женщина, ветеран труда, две медали имею, никаких законов не нарушала. По какому праву вы ко мне врываетесь?! – с каждой секундой ее голос становился все громче и визгливее. – Да я на вас жалобу...

Кому она подаст жалобу, бабка договорить не успела. Мужик с автоматом просто шагнул вперед так, словно перед ним никого не было. Чтобы не быть сбитой с ног, бабке пришлось отступить на несколько шагов, и камуфлированный вошел в комнату. От такой наглости бабка на несколько секунд лишилась дара речи, а когда снова обрела его, то кричать ей пришлось уже в спину совершенно не обращающего на нее внимания мужика, занятого осмотром комнаты.

Он, не обращая внимания на обещания бабки пойти в милицию, в прокуратуру, написать жалобу лично мэру города, губернатору и чуть ли не президенту, внимательно осмотрел маленькую комнатку, заглянул в шкаф, под кровать и, убедившись, что больше тут спрятаться совершенно негде, под возмущенные обещания бабки пойти почему-то в общественную приемную депутата Госдумы от Магаданской области Сергея Завьялова, вышел из комнаты.

Бабка высунулась из двери и стала выкрикивать ему вслед что-то уже совершенно непечатное, но с тем же нулевым эффектом. Судя по использованным ею словам и искренней обиде, звучавшей в голосе, больше всего ее возмутило даже не вторжение, а то, что налетчик не пожелал вступить с ней в долгую перепалку.

Квартира тем временем окончательно проснулась. Большая часть дверей пораспахивалась, из всех высовывались ничего не понимающие, заспанные люди, тщетно пытающиеся выяснить друг у друга, что происходит. Каким-то странным образом возникла версия о том,

что дом подвергся нападению террористов и всех присутствующих взяли в заложники, но по причине полного отсутствия подтверждений долго эта версия не продержалась. Где-то раздался громкий детский плач, послышались возмущенные голоса родителей, ребенка которых разбудило неожиданное вторжение.

Камуфлированные тем временем методично, одну за другой, осматривали комнаты. Один из попавших в квартиру через кухонное окно проверил ванную и туалет, но, никого там не обнаружив, двинулся дальше. Дойдя до угла, он на секунду замешкался, вспоминая, где он уже был, а где нет. В полутемном лабиринте похожих друг на друга коридоров это было непросто. Ага, кажется, вправо уже ходил, а налево, вот по этому длинному темному коридору, еще нет.

Он повернул налево и, сделав шаг, наступил на что-то мягкое. Раздался мерзкий вопль, и мужик почувствовал, как в его лодыжку впиваются острые когти.

– Твою мать! – громко выругался он, неловко отпрыгивая в сторону. – Чертова тварь! Мало нам всего, еще ты тут...

Оскорбленная кошка серой тенью скользнула за угол, а камуфлированный двинулся дальше по коридору.

Коридор оказался довольно длинным и без дверей по бокам. Наконец, дойдя до его конца, камуфлированный уткнулся в довольно хлипкую дверь дальней комнаты. В конце коридора было уже совсем темно. Свет лампочки из-за угла почти не доставал сюда, и человек вытащил фонарик. Ага, в коридоре спрятаться негде. Теперь нужно проверить саму комнату...

Он стукнул кулаком по двери и тут же почувствовал, как она поддается и слегка приоткрывается. Дверь была не заперта и открывалась внутрь. Сильным толчком он совсем распахнул ее. За дверью была темнота. Держа фонарик на вытянутой руке, далеко от себя, камуфлированный осветил комнату.

Вроде пусто...

Теперь нужно войти и осмотреть всякие укромные места, где может спрятаться человек. Только для этого неплохо бы включить свет – с фонариком тут скорее помеха, чем помощь, только самого себя слепишь. Он выключил фонарик и осторожно вошел в комнату, готовый к тому, чтобы отразить нападение из-за угла.

Но никакого нападения не последовало. Судя по всему, комната и в самом деле была пуста. Камуфлированный немного расслабился и стал искать, где включается свет. Рука в перчатке поползла по стене, нащупывая выключатель. Ага, вот он...

Мужик щелкнул выключателем, но свет не загорелся. Странно, в коридоре же свет был... Или тут лампочка не вкручена? Он еще несколько раз щелкнул выключателем. Безрезультатно.

Рука потянулась к фонарику, но остановилась на полдороге. Глаза уже немного привыкли к темноте, лучше обойтись без него.

Он осторожно двинулся вдоль стенки, наткнулся на какие-то стулья, негромко чертыхнулся... Нет здесь, кажется, никого, только ноги в темноте переломаешь без толку.

В этот момент сдвижная зеркальная дверь платяного шкафа бесшумно отъехала в сторону, и оттуда показались две руки с татуированными пальцами. Одна из них зажала камуфлированному рот, а вторая приставила к горлу нож, блеснувший во мраке.

– Пикнешь – убью, – послышался зловещий шепот. Голос говорившего был исполнен решимости, и у камуфлированного не возникло ни малейшего сомнения в том, что он исполнит свое обещание. – Брось оружие. Аккуратно и тихонько, лучше всего на кровать.

Какое-то мгновение камуфлированный колебался, но, почувствовав легкое движение руки у своего горла, тут же подчинился. Пистолет беззвучно опустился на кровать.

– Сейчас я уберу руку у тебя ото рта. Ответишь мне на несколько вопросов. Говорить будешь шепотом. Орать не советую – все равно не успеешь, перережу глотку. Понял меня? Если да, кивни.

Камуфлированный осторожно, чтобы самому не напороться на нож, кивнул. Рука, зажимавшая рот, сдвинулась чуть в сторону.

– Кто вы? Кто вас послал? Кто дал набой? ОБЭП? Полковник Орленко?

– Нет...

– Деев из СКМ? Или Зелинский?

Колыма был почти уверен, что если на них наехал не ОБЭП, то организатор – один из этих двоих. Или начальник городской службы криминальной милиции, сменившей уголовный розыск, полковник Деев, или полковник Зелинский, возглавлявший отдел по борьбе с преступлениями в горнорудной отрасли. Они оба давно точили на него зуб, не иначе решили наконец попробовать откусить.

– Нет... – шепотом ответил пленник.

– А кто тогда? «Ингушзолото»? Или спортсмены? – Врагов у Колымы было немало. – Кто?! Говори, падла, иначе прирежу!

– Гурченко... – еле слышно прошептал морально подавленный пленник.

Рука Коли слегка дрогнула. В сказанное было трудно поверить. Но Колыма неплохо разбирался в людях и чувствовал, что пленник не врет. Незачем ему сейчас врать, да и почувствовал бы Колыма ложь.

Что ж, значит, жизнь в очередной раз оказалась куда паскуднее, чем ему до сих пор казалось.

Глава 4

У подъезда барака, несмотря на позднее время, было светло, людно и шумно. Возле входа несколько машин заливали грязный двор ярким, слепящим светом включенных фар, игравшим на белых боках огромных сугробов, а около самой подъездной двери стояли два мужика в масках, бронежилетах и камуфляже – из числа тех, кто совсем недавно врывался в восемнадцатую квартиру. В нескольких шагах от входа в подъезд – посередине светлого пятна, образовавшегося от фар машин, – стоял человек в милицейской форме при подполковничьих погонах. Вокруг него толпились растревоженные жильцы дома, они забрасывали подполковника вопросами, на которые он очень деловито отвечал:

– Говорю же, проводили спецоперацию по освобождению заложника. Понимаете? Бандиты взяли человека в заложники, а мы его освобождали.

– Я же тебе говорил, Степаныч, что нас в заложники хотели взять! – торжествующе заявил невзрачный мужичок в бушлате, наброшенном поверх майки. Из-под полы бушлата торчали кальсоны. Мужичок часто переступал с ноги на ногу, он уже явно начал мерзнуть, но уходить со двора не желал – когда еще подвернется случай хоть самым краешком оказаться замешанным во что-то интересное.

– Да что ты, Сема, какой непонятливый! При чем тут мы-то? Говорит же товарищ подполковник: одного заложника захватили, а нас никто трогать и не собирался. Правильно я говорю, товарищ полковник? – Говоривший, мужик куда более солидного вида, чем его оппонент, обратился за подтверждением к милиционеру.

– Совершенно правильно. А теперь бандиты уже никого не возьмут в заложники, мы их обезвредили.

– А что за бандиты-то? Кто это были такие? И как они к нам в квартиру попали? – раздался из толпы недоуменный вопрос.

– Николай Степанов и его дружки, – значительным голосом заявил милиционер. – Вы, наверное, и сами знаете, что Степанов – личность темная, ну вот он и допрыгался наконец.

– А кого они захватили? И где теперь заложник? – спросил тот же голос.

– Заложник в ходе спецоперации был освобожден и переправлен в безопасное место, – еще более значительно заявил подполковник. – Больше я вам про него ничего сказать не могу, уж не обессудьте, сами понимаете почему, чай, не маленькие.

Подполковник был неплохим психологом и прекрасно знал один почти беспрюирышный прием общения с толпой. Если хочешь объяснить что-то, что с трудом поддается объяснению, нет ничего лучше, чем с доверительным видом сказать нечто вроде: «Ну, что я вам рассказываю, вы это и сами не хуже меня понимаете» – после этого никто не захочет продолжать эту тему, опасаясь показаться глупее прочих.

В этот раз все получилось именно так и больше про несуществующего заложника никто не спрашивал, хотя было совершенно непонятно, почему его личность и местонахождение окутаны такой тайной. Зато, наконец растолкав соседей, в первый ряд пробилась толстая склочная бабка из восемнадцатой квартиры – та самая, что была ужасно оскорблена тем, что на нее не обратили должного внимания. Не тратя времени попусту, она сразу же набросилась на подполковника с обвинениями и страшными угрозами, практически теми же самыми, что высказывала его подчиненному.

– Женщина, успокойтесь, – спокойно и чуть брезгливо ответил подполковник, дождавшись, когда она на секунду умолкнет, чтобы перевести дух. – При проведении спецопераций ордер не обязателен, а поскольку вам, насколько я понимаю, не причинили никакого ущерба, то и жаловаться совершенно не на что.

Бабка не успокоилась и продолжала кричать о моральном ущербе, неуважении к старости и своих заслугах, но больше подполковник на нее внимания не обращал. Еще кто-то из жильцов спросил у подполковника о том, что случилось с бандитами: тот стал многословно объяснять, что двое из них пытались оказать вооруженное сопротивление и были убиты, а один задержан и доставлен в ближайшее отделение. Потом из толпы спросили, какое именно сопротивление оказывали бандиты, а также чего именно они требовали и много ли милиционеров участвовало в задержании.

На некоторые вопросы подполковник отвечал, от некоторых уклонялся, а в целом было очень похоже на то, что он чего-то ждет и именно поэтому до сих пор не отказался от участия в этой импровизированной пресс-конференции. Непонятно было только, чего именно он ждет. Быть может, кого-то из своих людей с докладом?

В самый разгар разговора из подъезда показался еще один камуфляжник в маске «ночь». Спокойным и уверенным шагом он прошел мимо двоих таких же, стоящих у подъезда, даже сделал два шага по направлению к подполковнику, как будто хотел о чем-то доложить, но тут, словно вспомнив что-то важное, свернул к одной из машин. Его силуэт на мгновение мелькнул в свете фар и тут же растворился в ночной темноте. Никто не обратил на него ни малейшего внимания – слишком много последние полчаса маячило около подъезда таких безликих фигур, чтобы глазеть на очередную, ведущую себя к тому же совершенно естественно. Никто не обратил внимания и на то, что скрывшийся за машинами человек в камуфляже оттуда уже не появился, словно его и не было.

Глава 5

Генерал Коробов сидел за столом в своем кабинете, опустив подбородок на сплетенные в замок руки и глядя на дверь. Как всегда, перед тем как приняться за какое-нибудь важное дело, он позволил себе на несколько минут расслабиться и сейчас сознательно старался думать не о проблемах, решать которые ему предстояло, а о чем-нибудь постороннем и малозначительном. «Не мешало бы новую дверь поставить, эта уже совсем неприличная стала», – мелькнула у него в голове неожиданная мысль.

Дверь кабинета начальника службы криминальной милиции Магаданской области и в самом деле не меняли уже лет десять, а то и побольше. Она помнила и предыдущего хозяина этого кабинета, ушедшего на повышение и получившего кабинет пороскошнее, и его предшественника, ушедшего со своего поста на пенсию, а может быть, и более ранние времена.

Взгляд генерала сместился с двери и пробежал по всему кабинету. Обстановка была казенная и неудобная, вдоль одной из стен стояли несколько разномастных обшарпанных шкафов с различными бумагами, справочниками и многочисленными изданиями российских законов: у второй стены находились несколько стульев, на которых обычно сидели подчиненные Коробова во время совещаний. Половина этих стульев были такими, что вынеси их сейчас на помойку, так и не польстится никто.

Взгляд Коробова дошел до его собственного стола: несколько телефонов, компьютер далеко не последней модели и матричный принтер; потом поднялся к потолку, который давно уже пора было белить; скользнул по стенам; задержался на подоконнике с полузасохшей геранью. Выкидывать цветочек было жалко, а нормально заботиться о нем он постоянно забывал.

«Надо бы обстановку подновить и ремонт нормальный сделать, – продолжил свою мысль генерал. – А то живу, как при царе Горохе...» Такие мысли посещали его уже не первый раз, но только мыслями до сих пор все и ограничивалось. И дело было не в том, что не всегда наши желания совпадают с нашими возможностями. Возможность устроить в своем кабинете хоть евроремонт у полковника была, не пришлось бы даже слишком сильно напрягаться, но дело было в том, что в отличие от большинства своих коллег Коробов не считал благоустройство своего рабочего места делом по-настоящему важным, и руки у него до этого постоянно не доходили. Поэтому единственным действительно современным предметом обстановки в его кабинете был стоявший у него за спиной сейф, в котором полковник хранил наиболее важные и секретные документы и все прочие вещи, требовавшие особо тщательного присмотра.

«Ладно, это не к спеху, вот разберусь с важными делами, тогда и ремонт можно будет заняться», – традиционно завершил свои мысли о благоустройстве кабинета Коробов, снял трубку с внутреннего телефона и набрал короткий номер:

– Синякин? Да, я... Зайди ко мне в кабинет... Ну, не то чтобы совсем срочно. Ты что сейчас делаешь? Ясно. Ну, вот допишешь и приходи... Тебе, кстати, документы по Степанову приносили? Ознакомился? Ну, вот и отлично. В общем, я тебя жду.

Коробов положил трубку и решительным движением придвинул к себе толстую картонную папку, лежавшую на краю стола. На ней была наклеена полоска бумаги, на которой красовалась лаконичная надпись: «Степанов Николай Иванович (Коля Колыма)». Коробов открыл папку и глянул на первый лист.

Так... Родился в семьдесят первом году, четвертый ребенок в неполной семье, отец от них ушел, когда ему было восемь лет, мать детей содержала очень плохо...

Ясно, в общем, вполне обычная история. У подавляющего большинства блатных было такое же или почти такое же трудное детство, которое заставляло их очень рано взрослеть и самим добывать себе средства к существованию. Значит, и Коле с очень раннего возраста приходилось заботиться о себе самому, и это наверняка наложило на его характер соответствующую

щий отпечаток. Он привык рассчитывать только на свои силы, стал жестоким и недоверчивым. Что ж, такие обычно и становятся авторитетами в уголовном мире, ничего удивительного.

Так, что там дальше? Мореходное училище, после него работал гарпунером на китобойном судне. Ого! Серьезная профессия. Значит, кроме всего прочего, он смел и очень силен физически – слабаков и хлюпиков среди гарпунеров нет и быть не может. Впрочем, проработал он совсем недолго – чуть больше полутора лет, – потом началась его уголовная карьера.

Так-так, это уже интереснее. Коробов внимательно вчитался в написанное.

Всего у Коли Колымы до сих пор было четыре ходки, все четыре от звонка до звонка, все четыре за кражи.

И правда, образцовый вор. Надо же, встречаются еще такие. И кражи все очень характерные. Начал, как и подавляющее большинство воров, с мелочи, за которую и получил всего полтора года; следующая уже серьезней – соучастие в краже недельной выручки из крупного магазина. Здесь он уже работал не один; ну да, правильно, пока срок мотал, успел свести знакомство с опытными ворами. А последние два срока за кассы: одна – крупного завода, а вторая – ресторана. Недурно, что и говорить.

Так, дальше...

Это официальная информация, а что там с оперативной, полученной из неофициальных источников? Ага... В зонах был в полной отрицаловке, ни на какое сотрудничество с администрацией никогда не шел, репутацией обладает совершенно незапятнанной, во всяком случае, «косяков» за ним не замечено. Правдоискатель, ревнитель блатных понятий и традиций, обладает обостренным чувством справедливости, которое не боится проявлять даже тогда, когда это представляет для него серьезную опасность.

В этом месте в папку было вложено три рукописных листа, на которых неизвестный информатор подробно описывал, как во время своей второй ходки Коля Колыма заступился за какого-то незнакомого ему ээка, мотавшего первый срок, на которого от скуки наехали три кавказца и хотели его по беспределу опустить. Дело кончилось серьезной дракой, из которой Колыма вышел с двумя сломанными ребрами и рассеченной головой. Но он ушел с места драки сам, а кавказцев унесли.

«Серьезный человек», – подумал Коробов, перелистывая сразу несколько страниц. Подробности всех былых подвигов Колымы, которые были на них описаны, интересовали его не особо. До них, конечно, дело тоже дойдет, но сейчас нужно составить общее впечатление. Где-то здесь должна быть последняя краткая характеристика... Ага, вот она.

«Николай Степанов, он же Коля Колыма, – человек очень умный, хитрый и предусмотрительный. Обладает редкостным оперативным мышлением. Необычайно горд и принципиален, при необходимости может быть жесток, но в бесцельном садизме не замечен. Никогда ничего не забывает и никому ничего не прощает. Обладает большим авторитетом в уголовном мире. Один из приближенных вора в законе Вячеслава Сестринского (Бати)».

Дальше еще раз шло перечисление ходок и сроков, но это Коробов уже знал и потому просмотрел не очень внимательно, по диагонали. Как раз в тот момент, когда он закрыл папку, на столе ожил селектор:

– Дмитрий Сергеевич, к вам полковник Синякин.

– Впускай.

Дверь отворилась, и в кабинет Коробова вошел высокий худощавый мужчина в штатском. Это был заместитель начальника СКМ полковник Синякин Павел Валерьевич.

– Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, – поздоровался с Коробовым Синякин.

– Здравствуйте, Паша. Садись, – отозвался генерал.

Вошедший устроился на одном из стульев и выжидательно замолчал, глядя на начальника.

– Ты про ночные события на Октябрьской знаешь? – не тратя времени на предисловия, спросил Коробов.

– Брали там кого-то ночью, по-моему. Но не мы, а то ли РУБОП, то ли ОБЭП... – недолго ответил подполковник. – А в чем проблема-то? Там же вроде бы все гладко прошло, насколько я понял?

Коробов тяжело вздохнул и покачал головой:

– В том-то, Паша, и проблема, что все прошло гладко. Вот только мы тут ни при чем. И ОБЭП с РУБОПом тоже ни при чем. И вообще, никто из силовых ведомств никаких спецопераций вчера ночью там не проводил.

– То есть как? – удивленно приподнял брови Синякин. – А кто... – Он осекся, вовремя поняв, что собирается задать совершенно дурацкий вопрос.

– Понятия не имею, – раздраженно ответил на незаконченный вопрос своего зама Коробов. – Но именно это нам и придется выяснять. Вернее, даже не нам, а тебе с твоими орлами.

Синякин нахмурился:

– Подождите, Дмитрий Сергеевич, а что там вообще случилось-то? Введите хоть вкратце в курс дела, я же толком-то про это ничего не знаю.

– Я сам пока знаю немного. Но, в общем, дело было так. Вчера, примерно в половине двенадцатого, в восемнадцатую квартиру дома номер тридцать четыре по Октябрьской улице вломились какие-то парни в камуфляже. Вломились грамотно, одновременно через кухонное окно и через дверь. Причем дверь там была стальная, они вырезали петли чем-то типа автогена, а сама квартира расположена на третьем этаже, так что и к окну подобраться тоже была непростая задачка. На кухне сидели два человека, их пристрелили на месте. Кстати сказать, выстрелов никто не слышал – видимо, работали с глушителями, и неплохими. Потом эти парни обыскали всю квартиру – там здоровенная коммуналка комнат на десять как минимум.

– А почему никто из жильцов милицию не вызвал?

– Потому и не вызвал, что эти парни заявили, что они и есть милиция. Во все горло кричали, что проходит спецоперация, ну им и поверили. И неудивительно... Судя по описаниям, они и правда были на спецназовцев похожи. Камуфляжи, маски, броники...

– Броники?! Ничего себе!

– Ага... А еще рации и автоматы. Серьезные ребята были, судя по всему. В общем, они обыскали квартиру и вывалились на улицу. Там с ними был какой-то мужик в нашей форме и с подполковничьими погонами. Он какое-то время разговаривал с жильцами, а потом они погрузились в машины и уехали. И все. Больше их не видели.

– А этот их подполковник был без маски?

– Без. У нас уже есть фоторобот, потом покажу. Но толку от него мало, все-таки по ночному времени его мало кто хорошо рассмотрел, жильцы здорово в показаниях путались, друг другу противоречили, так что портрет получился какой-то очень усредненный.

– Ясно... А когда жильцы тревогу-то подняли?

– Часа через два. Там в квартире, на кухне, остались два трупа – тех самых, кого сразу пристрелили. Вот когда жильцы поняли, что никто их оттуда увозить не собирается, так и начали названивать по ноль два да ноль три. Причем наши-то тоже не сразу разобрались что к чему: сначала подумали, что это просто чье-то раздолбайство, трупы просто забыли увезти, а спецоперация настоящая. Ну, сам понимаешь, много ли знает обычный наш сержант, лейтенант или даже капитан о планах РУБОПа, например? Мы-то с тобой и то не всегда в курсе. В общем, до утра все думали, что это чья-то операция, но никто не знал чья. Но недавно окончательно прояснилось. По официальным документам и заявлениям никто к этому делу не причастен.

– А точно всех проверили?

– Абсолютно. От пожарников до особистов нашего военного округа. Кстати, ты оперативную сводку сегодняшнюю читал?

– Не успел еще. А что?

– Вот тебе еще один интересный факт для полноты картины: утром, в восьмом часу, на противоположной окраине города один из патрулей ППС наткнулся на брошенный «ЗИЛ» с подъемником. На водительском сиденье обнаружены следы свежей крови. Стали выяснять, что за машина. Выяснилось, что вчера вечером этот «ЗИЛ» угнали из гаража коммунальной службы, причем эти растяпы угона даже не заметили. О том, что у них машину увели, они узнали уже от нас, когда им позвонили и спросили вежливо, а не их ли это «ЗИЛ». В общем, в сочетании с тем, что я тебе уже рассказал, кое-что проясняется. С помощью этого самого подъемника те парни ворвались через окно.

– Поня-ятно, – тоскливо протянул Синякин, уже предчувствуя, сколько ему с этим делом предстоит возни. – А кого убили-то, уже известно? Трупы опознали? И зачем нападавшие квартиру обыскивали, что им там надо было, выяснили?

– Вот это как раз самое интересное. Почитай-ка этот документик. – Коробов вытащил из ящика стола листок бумаги, исписанный шариковой ручкой.

– Там самое важное подчеркнуто красным. Ознакомься. И имей в виду, источник надежнейший.

Синякин взял листок и быстро пробежал глазами по подчеркнутому абзацу:

«Оперативные источники сообщают, что хранящееся в настоящий момент на квартире у Николая Степанова золото в россыпи и самородках предназначается для подкупа коррумпированных сотрудников силовых ведомств. Точное количество золота неизвестно, приблизительно от пятидесяти до ста килограммов. Предположительно, золото принадлежит не самому Степанову, а Бате (Вячеславу Сестринскому)». Синякин поднял глаза от листка:

– Так вот вы зачем мне документы по Коле Колыме присылали! Значит, это была его квартира! А кого вместе с ним убили? Вы сказали, на кухне сидели двое.

Коробов снова тяжело вздохнул.

– Дело в том, что как раз самого Степанова и не убили. По крайней мере, тела его не нашли. И куда он делся, совершенно неясно. Те двое, тела которых нашли на кухне, это его гости, а сам он как сквозь землю провалился. Известно, что вечером он был дома, к нему приехали эти двое, они вместе сидели на кухне: ели, пили, разговаривали о чем-то. Потом случился этот налет, и Колыма куда-то исчез. И, что особенно интересно, никакого золота в квартире не нашли.

– Понятно, – кивнул Синякин. – Золото забрали эти самые налетчики. Вот зачем они и квартиру обыскивали – золото искали.

– А вот это вряд ли. Жителей квартиры уже опросили, и все в один голос говорят, что эти парни осматривали только те места, где может спрятаться человек. В тумбочки, маленькие шкафчики, коробки всякие они не заглядывали, зато большие шкафы и кладовки осмотрели все. И под кроватями смотрели, ванную с туалетом проверили. Так что золото они, скорее всего, нашли сразу, а искали, видимо, Колыму. Ну, или делали вид, что искали.

Синякин кивнул:

– Так какая задача нам ставится? Найти тех, кто это дело провернул?

– Да. Но не только. Первое: нужно найти тех, кто симитировал нашу спецоперацию. Второе: найти Колыму. Третье – золото. В общем, все это между собой связано, так что задание получается одно. Сосредоточиться нужно в основном на Колыме. Если его найдем, то считай, что дело будет сделано, он нам все расскажет. И про золото, и про то, кто на него наехал. Кстати, скажи: у тебя уже какие-нибудь предположения есть на тему того, кто это мог быть?

– Кто-то из авторитетов, однозначно. Скорее всего, ингуши, это их почерк, они уже пару раз такими приемами пользовались. Помните, в январе, когда Витьку Колесо убили, его ведь

тоже люди в форме увезли. И раньше они так тоже делали, я помню. Почти наверняка они. Узнали, наверное, откуда-то про золото и решили его у блатных отжать.

– А кроме ингушей кто это мог быть, по-твоему?

– Отморозки наши местные. Но это уже менее вероятно. У них и возможностей таких, как у ингушей, нет, да и действуют они обычно более грубо. «ЗИЛ» с подъемником, бесшумный автоген – это не их методы. Они бы просто навалились большой толпой с пистолетами, положили бы пару своих, кучу левого народа, перебудили бы полгорода и не факт, что добились бы своего. Нет, не похоже это на них.

– Вот и я так же думаю, – кивнул Коробов. – А когда два опытных человека на одном сходятся, то, скорее всего, это правда и есть. В общем, в первую очередь проверишь версию ингушей. Напряги стукачей наших, выясни, не пытаются ли они сбыть с рук большую партию золота. В общем, все, как полагается, учить тебя не надо. Если все-таки не подтвердится, тогда будем дальше думать. И главное – ищи Колыму. Считай, что это сейчас приоритетная задача.

– Понятно.

– Да, и вот еще что... – Коробов задумчиво прищурился, а через несколько секунд продолжил: – Чтобы Колыму искать легче было, запустишь через самых надежных наших стукачей такую информацию: Коля Колыма скурвился. Батя доверил ему свое золото, а он стукнул о нем ментам и потом, воспользовавшись моментом, сам все и похитил. Менты рады стараться, им «устойчивая оргпреступная группировка» на раздербан досталась, а Колыма золото получил, братву подставив. Потому-де он один в живых и остался. Если мы такой слух пустим, то Колыме к старым знакомым путь закрыт будет, никто ему скрываться не поможет, и мы его быстро возьмем.

– То есть, если я вас правильно понял, мы, исходя из оперативных интересов, версию о том, что налет на квартиру был наш, временно подтверждаем?

– Именно.

– Хорошо, сделаем, – кивнул Синякин. – Слух сегодня же пойдет, а ориентировки на Колю Колыму по всем отделениям разошлем. Кстати, шеф, а кому именно золото было предназначено, неизвестно? В этой бумажке, – Синякин кивнул на листок, который только что читал, – написано, что кому-то из чиновников силовых ведомств. А поточнее информации нет? Хотя бы из непроверенных источников? Кого именно блатные подкупать собирались?

Коробов не успел ответить. На его столе зазвонил один из телефонов, и он поднял трубку:

– Генерал Коробов слушает. Здравствуй, узнал, конечно. Да ничего, идут помаленьку. А ты как? Вот и отлично... Что? По налету на Октябрьской? Пока ничего не известно. Нет. Мы же только-только начали работать, я как раз сейчас с Синякиным об этом разговаривал. Да нет, что ты, нисколько не помешал... Ладно. Ну, счастливо.

Коробов повесил трубку.

– Панкратов звонил. Интересуется, как у нас идут дела с делом о налете на Октябрьской.

Синякин ничего не ответил, но они обменялись с Коробовым понимающими взглядами. Генерал Панкратов – начальник УИН Магаданской области, и уж его-то совершенно не должно интересовать дело об этом налете, никак оно его не касается. А если интересуется, то это наводит на определенные подозрения. Уж не его ли блатные подмазать собирались? Разумеется, вслух ни Коробов ни Синякин ничего такого не сказали и тему о том, кого именно собирались подкупать блатные, больше не затрагивали. Вместо этого они вызвали в кабинет одного из старших оперативников и уже более детально обсудили вместе с ним еще несколько подробностей будущих действий.

Когда разговор был закончен, Коробов передал своему заму все материалы по делу и сказал:

– И постарайся побыстрее, Паша. Особенно с поисками Коли Колымы.

Синякин кивнул и хотел что-то ответить, но его опередили.

– Знаете, а кого-то он мне напоминает... – Старший оперативник, которому Синякин передал папку с бумагами, открыл ее и внимательно рассматривал фоторобот подполковника-самозванца.

– Кого именно? – заинтересованно спросил Синякин, тоже заглядывая в папку.

– Не могу понять. Лицо вроде бы знакомое, но где я его видел, никак не соображу...

– Вот и у меня то же ощущение, – кивнул Коробов. – Ладно, если все-таки сообразишь, скажешь. А пока идите, работайте.

Синякин и его подчиненный попрощались с Коробовым и вышли из его кабинета.

Глава 6

Из двери, расположенной в дальнем конце большого зала, появились четверо с автоматами. Выстрел из базуки моментально смел их с дороги, но один из них успел выпустить длинную очередь. Из груди спецназовца брызнула кровь, и он медленно опустился на землю.

Монитор компьютера потускнел, и на нем возникли две надписи: «Переиграть последнюю запись» и «Вернуться в основное меню». Сидящий перед мощным компьютером черноволосый мальчик лет четырнадцати несколько секунд поколебался, а потом выбрал вторую и вышел из игры. Он уже который раз пытался пройти это трудное место, но у него никак не получалось опередить противников, кто-то из четверки все время успевал выстрелить в него. Может быть, нужно попробовать поискать путь в обход этого зала и напасть на них со спины? Или выбрать другое оружие – например, огнемет? Он откинулся на спинку своего кресла и задумался.

Комната, в которой находился мальчик, располагалась на последнем этаже элитного дома в центре Магадана. Дом был четырехэтажный, сталинской постройки, с просторными комнатами и высоченными потолками, а после того как в нем был сделан евроремонт, квартиры стали по карману только самым обеспеченным людям города. К их числу принадлежал и отец мальчика, глава подпольного мафиозного синдиката «Ингушзолото», и это было видно по каждой мелочи, находившейся в комнате, – от валяющейся в углу комнаты ручки фирмы «Паркер» до стоявшего на столе компьютера с плоским монитором на жидких кристаллах и процессором, мощности которого хватало бы для работы в каком-нибудь космическом центре.

Неожиданно мальчик приподнял голову и прислушался. Ему показалось или в коридоре правда послышались шаги? Нет, не показалось, кто-то идет. Может быть, папа? По шагам – похоже, у домработницы походка более шаркающая, неторопливая.

В дверь комнаты постучали.

– Рашид, можно я войду? – раздался негромкий мужской голос.

– Входи, папа! – радостно крикнул мальчик и вместе с креслом развернулся к двери. Впрочем, развернуться иначе он бы не смог. Мальчик сидел на инвалидном кресле с колесиками и ручным приводом, позволявшем сидящему на нем передвигаться без посторонней помощи.

Дверь комнаты открылась, и на пороге появился представительный седовласый мужчина кавказской внешности. На его остром, хищном лице с резко очерченным подбородком и глубоко посаженными черными глазами отражалось сейчас чувство любви и нежности, смешанной с жалостью.

– Здравствуй, сынок. Как твои дела?

– Прошел третий уровень и дошел до половины четвертого! – гордо сказал мальчик. – Папа, а у тебя сейчас есть время? Можешь со мной поиграть? Одному не так интересно.

– Не сейчас, Рашид, – мягко сказал мужчина. – Сейчас у меня очень много дел. Может быть, вечером. – Его голос звучал почти виновато.

Мальчик немного надулся, но выражать свое неудовольствие вслух не стал. Он прекрасно понимал, что работа – это важно.

– К тому же к тебе через час должен прийти учитель, – продолжил отец. – Я надеюсь, ты сделал задание по математике, прежде чем садиться играть?

– Конечно, папа. Я его еще вчера сделал, – ответил мальчик.

Потом он немного помолчал, приоткрыл рот, словно хотел о чем-то спросить отца, но так и не решился заговорить.

Однако отец Рашида был достаточно наблюдателен и заметил его колебания.

– Ты хотел что-то сказать, сынок?

Мальчик колебался еще несколько секунд, а потом выпалил:

– Папа, пожалуйста, разреши мне ходить в школу! Ну, пожалуйста, папа!

Лицо отца помрачнело, но его голос оставался спокойным и ласковым:

– Рашид, мы ведь уже столько раз об этом говорили. Я, конечно, могу поручить кому-нибудь отвезить тебя в школу и забирать оттуда, но пойми: тебе там будет очень плохо. Здоровые дети не любят больных, а ты даже не сможешь сам за себя постоять. Я же уже объяснял тебе это, и ты согласился. Зачем же ты опять об этом говоришь? Настоящий мужчина не должен так поступать.

– Я знаю, папа. – Мальчик заговорил торопливо и сбивчиво, было видно, что он очень хочет убедить отца: – Но, понимаешь, я узнал, что есть специальные школы для... – он осекся и спустя секунду договорил: – Для таких, как я. Кто не может ходить.

– Откуда ты это узнал?

– Из Интернета. Я искал какое-нибудь лекарство от моей болезни, но не нашел. Зато прочитал про такие школы. Папа, давай я буду ходить в такую! Пожалуйста!

Мальчик смотрел на отца умоляюще, а тот с трудом сдерживал рвущиеся наружу эмоции. Бедный мальчик! Искал лекарства... Если бы от этой болезни существовали лекарства, то он достал бы их для него. Кого угодно бы убил, что угодно бы сделал, но сына бы вылечил. Но лекарства для переболевших полиомиелитом не существует, и его мальчик останется парализованным на всю жизнь.

– Рашид, в нашем городе таких школ, по-моему, нет. Конечно, я узнаю поточнее, но если бы такая была, я бы знал.

– Ну и что, что в нашем городе нет! Можно поехать в другой город!

– Хорошо, Рашид, я подумаю об этом, – серьезно сказал отец.

И его слова не были пустой отговоркой, он всегда выполнял даже самые незначительные обещания, данные сыну. В самом деле: если такой школы нет в Магадане, то уж хоть где-нибудь в России она есть. И никто не мешает отправить мальчика туда, если он этого хочет. Все-таки так ему будет веселее, чем постоянно сидеть дома. Правда, в этом случае им придется расстаться, и он не сможет постоянно приглядывать за сыном, но если тому так будет лучше... В общем, об этом и правда стоит серьезно подумать.

– Пап, а ты сказал Зине, чтобы она купила мне сока? – спросил мальчик, поняв, что разговор о школе пока закончен.

– Да, Рашид, она сейчас как раз пошла в магазин, – начал было отвечать отец, но тут в его кармане раздался писк мобильного телефона.

– Прости, сынок, – сказал он и, вытащив телефон, вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Его лицо, только что бывшее ласковым и по-отцовски любящим, стало хищным и злым. Он давно привык к тому, что неожиданные звонки на этот мобильник, номер которого был известен очень немногим, обычно означают неприятности.

– Да? – мрачно сказал он в трубку.

– Расул Ахметович, у нас, похоже, намечаются неприятности, – раздался в трубке голос с сильным кавказским акцентом. – Ночью в Кировском районе напали на квартиру одного из приближенных Бати. Убили двух блатных из среднего звена и увели около ста килограммов золота. Хозяин квартиры, Коля Колыма, подался в бега, менты его сейчас ищут всюю. А самое главное, наезд был под ментов, но это не менты.

– Так... Информация верная? Ты не мог ошибиться?

– Да весь город только об этом и говорит! Боюсь, менты это на нас повесят.

Кавказец, названный своим собеседником Расулом Ахметовичем, помрачнел еще сильнее. Он прекрасно понимал, что менты могут использовать это происшествие как повод для начала репрессий против неугодных. А ингуши, и персонально он, Расул Ахметович Гамзаев,

им давно не нравятся. Значит, предстоят большие траты, если не хуже. Ну да ничего, не в первый раз с трудностями сталкиваться приходится.

– Решим, – твердо сказал Гамзаев в трубку.

– Кто это мог сделать?! – негодовал его собеседник. – Сезон скоро, а тут войной запахло!

– Это на нас специально повесили, якобы почерк наш, – сквозь зубы процедил Гамзаев. – Ладно, жди, выезжаю. Кого, ты говоришь, менты ищут? Колю Колыму?

– Да.

– А кто он такой? Я погоняло пару раз слышал, но человека что-то не припомню.

– Блатной, из приближенных Бати, смотрящего нашего. – Последние слова собеседник Гамзаева произнес с явным презрением в голосе. – Он еще только полгода как с зоны откинулся, вот вы про него поэтому и не слышали, наверное.

– Блатной, говоришь... Как меня эти «синие» достали! Прошло их время, а они никак этого понять не хотят! Смотрящий, общак, понятия... Другие времена настали, бизнес нужно делать, а не в игрушки играть.

– Ходит слух, что этот Колыма сам все и замутил и золото он же забрал.

– Чушь! – резко ответил Гамзаев.

– А кто тогда за всем этим стоит? Кто наезд устроил и «рыжье» взял?

– Кто стоит за всеми нашими неприятностями? – В голосе Гамзаева послышалась с трудом сдерживаемая ярость. – Кто наш главный враг? Кому мы тут больше всего мешаем? Тебе подробно объяснить или сам догадаешься?!

– Понятно... – протянул собеседник Гамзаева.

– Вот и хорошо, что тебе понятно. Ладно, я выезжаю, через полчаса буду. Жди.

Он отключил телефон, сунул его в карман, позвал телохранителей, дежуривших в небольшой комнате, находившейся у входной двери, и вышел из дома. Во дворе, рядом с подъездом, стоял роскошный черный джип. Гамзаев вместе с одним из телохранителей устроился на заднем сиденье, второй телохранитель сел на место водителя, и джип выехал со двора.

Глава 7

В марте тундра выглядит совершенно вымершей. До короткого времени, когда станет тепло и все начнет бурно цвести, остается еще три месяца, а пока свирепствуют лютые морозы. Огромные заснеженные пространства кажутся попросту непригодными для кого-то живого, кругом только снег и лед, безмолвие и неподвижность. Нет никаких других цветов, кроме белого. Колыма в это время промерзает чуть не до дна и засыпает, засыпают и окружающие ее сопки. Но люди отличаются от всех прочих живых существ в том числе тем, что ухитряются жить и там, где вся жизнь замирает до лета и тепла.

Среди белого безмолвия было лишь одно темное пятно, а точнее, несколько находящихся рядом пятен. Это расположенное в районе поселка Ягодное спецучреждение ОС 18/20 – знаменитая на всю Магаданскую область «двадцатка», «строгач». Выглядело спецучреждение совершенно классическим для такого рода мест: колючая проволока в несколько рядов по периметру, высокие заборы, вышки с охранниками, предзонник, башенка ДПНК, возвышающаяся над плацем, простреливаемые коридоры.

Над территорией лагеря слышался доносившийся из питомников лай овчарок, из труб шел густой дым. В одной из камер жилого блока, на шконарях около окна, в самом «kozyрном» месте сидели несколько человек и играли в «секу» самодельными стирами, сделанными из газет. На стенах рядом со шконками были развешаны плакаты с изображениями полуобнаженных красавиц, дальний закуток был завешен одеялами. По всему этому, да и по внешнему виду сидящих на шконках людей, открытые участки кожи которых были густо покрыты татуировками, можно было легко догадаться, что это блатной угол, место, где живут самые авторитетные в камере люди.

А может быть, и не только в камере – для смотрящего по камере лагерная администрация наверняка не стала бы закрывать глаза на украшавшие стенки плакаты. Да и в «секу» блатные играли совершенно спокойно, не оглядываясь на дверь, они явно были уверены в том, что их не потревожат, хотя азартные игры в лагерях, разумеется, строго запрещены. По кругу, из рук в руки передавался чифирбак; игравшие по очереди прикладывались к нему, отхлебывали первоклассного чифиря и отдавали следующему.

Впрочем, было заметно, что ни «сека», ни чифирь по-настоящему не увлекают блатных. Из чифирбака все отхлебывали совсем помалу, а играли лениво. Судя по всему, куда больше их занимал разговор, темой которого были недавно пришедшие с вольняшки новости.

– Совсем менты оборзели, – сказал здоровенный, чем-то похожий на гориллу, плечистый мужик с длинными руками, передавая чифирбак своему соседу. – Ни обвинения, ни суда – мочканули пацанов по беспределу и «рыжье» забрали. Раньше не было такого.

– Да, может, это и не менты, – отозвался невысокий пожилой блатарь с большим шрамом на правой щеке. – Форму ментовскую сейчас на рынке купить можно, а те вроде и без формы были, в одних камуфляжах. Такой наезд любой отморозок устроить может.

– Откуда отморозкам знать о «рыжье»? – недоуменно спросил третий, тасуя стирь. – Про него только Батя знал, да те, кому он рассказал. Коля Колыма первый.

– А ментам откуда знать? – не сдавался блатарь со шрамом. – И отморозкам любим, и мусорам знать про «рыжье» неоткуда. Разве что стукнул кто... – На этих словах блатарь зло прищурился: было ясно, что он много бы дал, чтобы добраться до стукача.

– Да кто стукнуть мог?! – возмущенно воскликнул гориллообразный. – Батя бы никому гнилому про «рыжье» не сказал, не такой он человек.

– Всякое бывает... Иногда и проверенные люди сучатся. Колыма-то пропал, а куда – непонятно. Почему двух его кентов замочили, а он сам в живых остался?

– Не клепай на Колю! – резко сказал молодой парень, до сих пор не участвовавший в разговоре. – Колыма правильный человек, он мне раз жизнь спас, не мог он ссучиться! Мы еще мало знаем, вот скажет Батя свое слово, тогда и судить будем.

– Правильно пацан говорит, подождем, чего Батя скажет, – поддержал молодого один из блатных. – Уж он-то знает и кому про «рыжье» говорил, кому греть «хозяина» поручал... Вот от него все и узнаем.

– Да, слово Бати – это слово Бати, – уважительно кивнул пожилой. – Я бы и раньше ему поперек ничего не сказал, всегда я его уважал, а теперь и вообще никакого базара нет. Чтобы своих отгонов не пожалеть ради братвы – мало кто бы на такое пошел, особенно в наше поганое время.

– Это да, – согласно кивнул гориллообразный, – такие блатные, как Батя, сейчас редкость. Нынешние баб себе заводят, деньгами сорят, о братве и понятиях забывают, а Батя – настоящий законник.

Блатные закивали. Было видно, что смотрящий по Магаданской области пользуется самым настоящим, неподдельным уважением.

Послышался лязг открываемого замка. Блатные повернулись к входу. Дверь открылась, и в камеру вошел сухощавый, густо татуированный старик с золотой фиксой. С первого взгляда было видно, что это очень опасный человек. Несмотря на немалый возраст, движения его были плавными и уверенными, в повадках было что-то напоминавшее дикого зверя, волка, крадущегося по ночному лесу. Было ясно, что старик каждую секунду готов отразить или нанести удар.

Лицо его покрывали морщины, рассекавшие темную кожу, но глаза были ясными, а во взгляде видны были ум, железная воля, жестокость и привычка повелевать. Это и был Вячеслав Сестринский, Батя, один из самых известных в России воров в законе, смотрящий по Магаданской области, лидер группировки блатных, железной рукой ею управляющий. Он же был третейским судьей и прямо с этой зоны мог карать и миловать весь блатной Магадан. И хотя под напором разных отморожков авторитет группировки блатных в Магаданской области последнее время сильно пошатнулся, Батю до сих пор все уважали и побаивались.

Он подошел к блатному углу, сел на одну из шконок и негромко сказал:

– Толковище.

Этого слова ждали все находившиеся тут блатные. Несколько человек тут же встали и отошли в сторону, в углу остались только Батя и его особо приближенные.

– Короче, так, пацаны, – веско сказал Батя. – Вы новости с вольняшки и так, наверное, знаете, но если кто не знает, я вам сейчас еще раз расскажу. Хотел я всей магаданской братве помочь, подогреть областного «хозяина», чтобы он своим спустил приказ кончать с беспределом на зонах. А то, сами знаете, какое тут гнулово началось, жизни не взвидели. Сейчас-то полегче стало, сами видите, а что месяц назад было?

Сидящие вокруг люди закивали. Действительно, последний месяц режим сильно смягчился, и все благодаря стараниям Бати.

Смотрящий немного помолчал, а потом продолжил:

– Но общак у нас оскудел, на подогрев «хозяина» денег там не хватило бы. Ингуши проклятые и спортсмены все под себя гребут, приисков наших все меньше остается. От верных людей знаю, спортсмены зимой еще, пока сезон не начался, на старателей давят, угрожают, у некоторых даже из семьи кого-то в заложники берут, лишь бы только те золото им несли, а не нам. А «зверьки» просто по беспределу перехватывают наши артели, когда те с «рыжьем» возвращаются, и перекупают у них добычу. Мы, конечно, им противостоим, но с беспредельщиками бороться трудно, сами знаете. Хотя, думаю, скоро все переменится, настанет наше время. Но сейчас, пока в общаке лавэ на подогрев мусоров нет, я решил из своих «отгонных» на общее дело отсыпать, помочь братве, чтобы всем нам легче жить стало. Я-то уж одной ногой в могиле,

считай, стою, а с собой «рыжье» на тот свет не забереешь, вот я и хотел оставить после себя у братвы добрую память. Но нашлись какие-то суки, – голос Бати стал резче, – которые мои «отгоны» увели. Устроили наезд, двух правильных пацанов завалили и все «рыжье» забрали. Вломились какие-то парни в камуфляже, через дверь и окно одновременно, пацаны ничего и сделать не успели. Снаряжены были те, кто нападал, по высшему классу. Оружие все с глушаками, броники, рации. Наезд вроде как ментовский, вот только какая сука им про «рыжье» стукнула, непонятно. Но хранить «рыжье» и до «хозяина» его довести я поручил Коле Колыме, все вы его знаете. А Колю Колыму не убили, он в живых остался и исчез непонятно куда. Не видели его с тех пор ни живым, ни мертвым. Почему, спрашивается?

– Так ты думаешь, это Колыма все замутил? Стукнул ментам, а сам с «рыжьем» подорвал? – спросил молодой парень, заступавшийся за Колыму до прихода Бати. – Да не может такого быть! Может, его тоже вальнули?

– Тех пацанов, что там замочили, прямо на месте и оставили. А тела Колымы там не нашли. Значит, живой он. Да, и еще скажу: менты его в розыск объявили, по всем участкам ориентировки на него разослали. На жмура в розыск не подают. Значит, и правда ссучился Колыма и закрыл мое «рыжье». Иначе почему он один живой остался, когда его кентов завалили, и почему мне маляву до сих пор не кинул?!

– Так ведь... Колыма же нормальный пацан. – Голос молодого звучал уже нерешительно. – Ты же его отлично знаешь... Штрафняк в Сусумане, бунт на якутском этапняке. Ты ведь сам ему «рыжье» доверил! Это же правильный человек, блатной по жизни!

Батя с шумом втянул в себя воздух и на выдохе коротко бросил:

– Кому блатной, а кому портной. Зря я ему доверился. Людишки сучатся, время такое. Он думает, что на вольняшке его не достанут? Еще скорей, чем на зоне.

– А если на материк свалит? – спросил пожилой блатной со шрамом. – Или уже свалил?

– И там достанут. И за границей. И на дне морском, если потребуется.

– Правильно, – кивнул пожилой. – Сук надо наказывать.

На этот раз молодой приоткрыл рот, но так и не решился ничего сказать. Против опыта и авторитета Бати переть было никак невозможно, да к тому же закрадывалась в голову поганенькая мыслишка. А может, и правда Колыма? Ведь странно как получается: всех мочканули, а его одного – нет. И «рыжье» было ему доверено, не кому-нибудь. Может, и правда ссучился?

– Кому ты это поручить собираешься? – спросил пожилой. – Я сам бы за это дело взялся, но мне до откидки еще больше года.

– Ворону поручу, – ответил Батя. – Из всех моих «торпед» он лучший, ему такие косяки разруливать не впервой. Всех, с кем я знаком, он тоже знает.

– Это тот Ворон, что с нами чалился? – спросил молодой. – Ну, который полгода как откинулся?

– Он, – скупно кивнул Батя.

– Ворон? – с легким сомнением в голосе переспросил пожилой. – Серьезный пацан, базара нет, но не все, кто тебя бы на вольняшке послушались, его слушать станут. Он все-таки не в законе.

– Скоро будет в законе. Как почую, что помирать скоро, так и его корону, смотрящим после меня он станет, этому пацану я верю, он косяков не напорет. А что слушать его не станут... Станут. Он и так пацан известный и авторитетный, свои люди у него есть, а я сейчас еще и позвоню на вольняшку и маляву напишу, чтобы его слушали.

Батя привстал со шконки и достал из-под матраса мобильник, набрал номер:

– Аллю... Илью позови. Неважно, скажи, что Батя с ним говорить хочет.

На несколько секунд смотрящий замолчал, потом снова заговорил:

– Ворон, ты? Да... Знаю уже, потому и звоню. Разбираться с этим ты будешь. Да... Братве я маляву напишу, чтобы все знали, что ты по моему слову этим делом занялся. А Егору,

Семе Косильщику и Шарманщику я сейчас позвоню еще... А сам-то что думаешь? Понятно. В общем, давай, если «рыжье» вернешь и суку накажешь, то в обиде не оставлю, ты меня знаешь.

Батя нажал отбой и тут же набрал следующий номер:

– Егор, ты? Слушай, если к тебе Ворон придет и помощи попросит, помоги. Я ему велел «рыжье» свое искать, которое Колыма закрысил... Ну и хорошо... Счастливо.

Следующие два звонка почти дословно повторяли этот, только звонил смотрящий другим людям. Закончив говорить, он спрятал мобильник под матрас, достал оттуда ручку, листок бумаги и написал на нем несколько предложений. Закончив, он протянул маляву молодому парню и сказал:

– Переправишь как обычно. И побыстрее.

Молодой взял записку, кивнул и рискнул спросить:

– А что пацаны? Все на Колыму думают?

– Все, – кивнул Батя. – Весь город только о том и говорит, что Колыма меня кинул. Ну да ничего, свое он получит.

Глава 8

Ресторан «Золотой теленок» считался одним из самых крутых в Магадане. Располагался он в самом центре города, в здании бывшей партийной школы, которое нынешним владельцам ресторана каким-то образом удалось то ли купить, то ли арендовать у городских властей. Впрочем, знающие люди полагали, что на самом деле рестораном через подставных лиц владеет сам губернатор Магаданской области, иначе власть имущие ни за что не расстались бы с таким лакомым кусочком, как здоровенный дом в самом оживленном месте города. Партшколы теперь, конечно, безнадежно вышли из моды, но свято место пусто не бывает, что-нибудь да придумали бы. Да, собственно, вот и придумали – чем кабак хуже чего угодно другого?

Сейчас в «Золотом теленке» было шумно и весело. В главном зале за несколькими столиками, сдвинутыми к центру, располагалась большая шумная компания, около десяти бритоголовых молодых людей с лицами без интеллигентской рефлексии, обвешанных золотыми цепями и с торчащими из кармана мобильниками, и примерно столько же девушек, род занятий которых определялся с первого взгляда и без малейшего труда – древнейшая профессия оставила на них ясно видимый отпечаток. Гуляли они шумно и весело. Парни с пьяной откровенностью болтали друг с другом, пытались спеть что-то русское народное, лапали девушек, которые приличия ради повизгивали. Иногда кто-то вставал и провозглашал тост, причем, без кавказской изысканности, а в простом стиле: «Давайте типа выпьем!»

Прочие посетители робко жались по углам и старались не привлекать к себе лишнего внимания со стороны гуляющей компании. Все прекрасно знали, кто гуляет в кабаке, и понимали, что иметь с ними дело небезопасно. Спортивная преступная группировка – самая молодая, но и самая наглая в городе – уже довольно давно заставила себя если не уважать, то хотя бы побаиваться.

История возникновения группировки была проста, как мычание, и нисколько не оригинальна, такое случалось по всей России. Как и в любом другом городе, в Магадане существовали многочисленные спортивные клубы, школы и команды. Однако далеко не всем тем, кто в них занимался, удавалось стать профессиональными спортсменами.

В спорте есть железное правило: если ты в восемнадцать лет не мастер спорта, то можешь это дело бросать – ни серьезные сборные, ни соревнования тебе не светят. Поэтому довольно часто получалось так, что один-два человека из клуба уходили в спорт, а остальные оставались не при делах. Конечно, никто не закрывал перед ними всех остальных возможностей – учебы или работы, но денег хотелось много и сразу, а возможность взять их, как казалось, была. В самом деле, любая команда, только что лишившаяся перспектив в большом спорте, это десять-пятнадцать парней, прекрасно физически развитых, хорошо знающих друг друга и спаянных многолетней дружбой – готовая группировка.

Чего еще нужно, чтобы попробовать себя в криминальном мире?

Только оружие и лидер. И то и другое частенько находилось. Оружия в России навалом, гранату или «ПМ» можно свободно на рынке купить, а если маленько подсуетиться, то и за «калашом» или бреником дело не станет, а лидеры среди спортсменов тоже появлялись регулярно – как правило, ими становились или тренеры, или капитаны команд.

Правда, поначалу неопытных и все-таки еще неважно вооруженных спортсменов здорово косили блатные и ингуши, да и ментам их ловить было одно удовольствие – все-таки нарушать закон так, чтобы тебя не поймали, это искусство, овладение которым требует времени. Но время шло, и постепенно спортсмены отвоевали себе место под солнцем, а потом и заставили очень серьезно подвинуться признанных магаданских авторитетов.

Особенно резко они пошли вверх, когда бывший мастер спорта по самбо Федор Медведев по кличке Медведь, вылетевший из спорта за умышленное нанесение тяжелой травмы про-

тивнику, объединил под своей властью три клуба: борцовский «Богатырь», боксерский «Удар» и клуб тяжелоатлетов «Антей». Человеком Медведев был очень жестоким, беспринципным и по-звериному хитрым. Под его руководством за последние два года группировка спортсменов сильно выросла, окрепла, сумела довольно сильно потеснить блатных и даже отвоевала два богатых прииска у Гамзаева с его ингушами.

Сейчас Медведь сидел во главе стола – он и его приближенные праздновали двадцатидевятилетие своего лидера. Вид у Медведя был внушительный. Здоровенный мордатый парень с широкими плечами, руками, толщиной с ногу обычного человека, и наглыми светлыми глазами. Он действительно был похож на медведя, это погоняло ему дали не только из-за фамилии. Ведь известно, что кроме огромной силы и свирепости, медведь опасен еще и тем, что необычайно хитер, а главное – непредсказуем. Он одинаково способен как на трусливое бегство, так и на наглое нападение.

– А почему рыжих нет? – громко спросил Медведь, привставая со своего места. – Хочу рыжую!

– А я, Федя? – пискнула из-за его плеча крашенная под блондинку пышная девка.

– Хочу рыжую! – упрямо повторил Медведь.

– Нет рыжих, Медведь, – пробасил сидящий по правую руку от главаря парень с низким скошенным лбом и выступающей челюстью. – Заказать тебе? – Он сунул руку в карман и вытащил мобильник. – Сейчас я мигом. Звякну в «Клеопатру», они такому клиенту табун рыжих пригонят.

– На фиг, – неожиданно сказал Медведь. Как с ним часто бывало, настроение его моментально сменилось. – Нет рыжих, и фиг с ними, буду трахать тебя. – Он повернулся к блондинке, хозяйским движением обнял ее за плечи и протянул руку к стоящему перед ним бокалу с дорогим коллекционным вином.

Вообще-то, Медведь не очень любил вино, он и сейчас предпочел бы обычное пиво, но считал, что пить пиво беспонтово, а понты в любых своих проявлениях были, пожалуй, главным удовольствием в его жизни.

– Официант! – раздался громкий пьяный голос с другого конца стола. – Бухла братве!

К столику тут же подошел подтянутый официант, в глазах которого была явственно видна настороженность:

– Чего пожелаете?

– Ты не понял? – Круглоголовый качок поднял голову и уставился на официанта тупыми глазами. – Я же сказал: бухла! Ты почему ничего не принес? – Язык качка заплетался, но падать под стол он еще явно не собирался.

– Что именно вам принести? Водка, коньяк, вино, пиво?.. В нашем заведении... – Он не успел договорить.

– Не, ты тупой какой-то, – покачал головой качок и начал выбираться из-за стола. – Я ж тебе сказал: бухла, а ты пургу какую-то гонишь, урод. Ты по-русски не сечешь, что ли?

Официант хотел что-то ответить, но не успел. Качок вылез из-за стола и без предупреждения сильно ткнул его кулаком в солнечное сплетение. Официант тихо охнул, согнулся и медленно осел на пол, а качок с тупой довольной улыбкой постоял над ним несколько секунд, вернулся за стол и снова заорал:

– Официант! Бухла братве!

Медведь и все остальные братки, с интересом наблюдавшие за этой сценой, повернулись к стойке и заинтересованно затихли, ожидая реакции. На этот раз от стойки отделились три фигуры. Два официанта, подойдя к столику, согнулись над своим пострадавшим товарищем, а третий, оказавшийся не официантом, а крупным парнем в камуфляже с нашивкой «охрана», подошел к Медведю.

– Послушай, что за беспредел... – начал он, но Медведь отмахнулся.

– Не гони! Что ты ко мне лезешь: я, что ли, этого кекса отоварил? Вон, иди с Лаврухой разбирайся.

Он ухмыльнулся, явно предвкушая забаву.

Охранник несколько секунд растерянно потоптался рядом с ним и шагнул к качку.

– Ты зачем официанта ударил? – спросил он и тут же замолк, сам почувствовав, как смешно прозвучал его вопрос.

– А ты кто? Почему бухла не принес? – спросил качок, поднимая глаза.

Охранник, видимо, оказался все-таки не робкого десятка.

– Ты что, думаешь, крутой самый? Вылезай из-за стола, поговорим, – Он махнул рукой, и от входа к нему двинулись еще два человека в камуфляже. – А со мной не договоришься, будешь в ментовке объясняться.

Со всего стола послышались возмущенные голоса:

– Да ты что?!

– Офонарел, что ли?!

– Да тебя за ментовку сейчас...

– Лавруха прикололся просто!

– Да я тебя... – Качок по имени Лавруха снова полез из-за стола, но тут Медведь поднял руку.

– Стоп, братва! Лавруха, тормозни! У меня сегодня праздник, день рождения, а вы хотите здесь драку устроить. Рано еще, я не нагулялся, вот пить закончим, тогда и посмотрим... – Медведь ухмыльнулся. – А пока хватит! А ты, – Медведь повернулся к охраннику, – вали давай. Если у того парня к Лаврухе претензии есть, пусть подходит и предъявит. А если нет – базар исчерпан. Понял?

Охранник еще несколько секунд постоял у столика, а потом развернулся и отошел. Он знал, насколько опасно связываться с Медведем, и понимал, что если будет драка, то шансов у него нет никаких. С ним здесь всего четыре человека. Надо, пока есть время, вызвать подкрепление и позвонить в милицию. Пусть пришлют пару патрулей, может, тогда и обойдется без драки.

– Отморозки... – прошептал он себе под нос и пошел к телефону.

В это время дверь ресторана открылась, и на пороге появился высокий стройный парень в клубном пиджаке и при соответствующем галстуке. Войдя, он, ни секунды не колеблясь, устремился к сдвинутым столам.

– О, Тюпа! – радостно воскликнул Медведь, едва увидев пришедшего. – Где ты был, урод? У меня день рождения, а тебя где-то носит! Штрафную ему!

Один из сидевших рядом с Медведем парней тут же набулькал полный фужер водки и протянул его вошедшему. Но тот раздраженно отмахнулся:

– Погодь! Медведь, тут такое дело...

– Да иди ты с делами! Успеем! Сейчас празднуем! – Но в глазах Медведя мелькнул вопрос, он был вовсе не так пьян, как казалось на первый взгляд, и прекрасно знал, что из-за какой-нибудь мелочи его помощник не опоздал бы на праздник и не стал бы его отвлекать.

– Значит, полтонны «рыжья» тебя не волнуют?

За столом сразу стало тихо, а глаза Медведя расширились:

– Это что за новости? Где это столько «рыжья» завалялось?

– Рассказываю. У блатных было золото. Говорят, это «отгоны» смотрящего, Бати, а хранил их Коля Колыма, один из его людей, у себя в квартире на Октябрьской.

– На обычной хате столько «рыжья»?! – громко спросил кто-то с дальнего конца стола.

– Да. Так вот, прошлой ночью кто-то на него наехал, «рыжье» забрали, блатных, кто его стерег, завалили, а сам Коля Колыма куда-то смылся. Наезд был вроде как ментовский, но

говорят, что это была инсценировка, а на самом деле этот Колыма сам наезд и устроил, под ментов замаскировавшись, и все «рыжье» себе забрал. Этого «синего» сейчас весь город ищет. И ингуши, и менты, и блатные, только бойскауты, наверное, еще не сподобились!

– Сколько, ты говоришь, «рыжья» было? – уже серьезным голосом уточнил Медведь.

– Кто говорит, что центнер, кто – два, а кто и про полтонны базарит.

– Это сколько же в бабках получится?.. – Медведь вытащил из кармана маленький калькулятор и начал деловито тыкать пальцем в кнопки. – Если даже по пять баксов за грамм, как ингуши старателям платят... Ох-хренеть можно! Искать!

– «Рыжье»? – спросил низколобый парень, сидящий справа.

– Да «синего» этого... Колю, или как там его. Все концы у него.

– Думаешь, это действительно он? А вдруг мусорская прокладка? Менты забрали, а на этого «синяка» повесили.

– Ха! При чем тут менты? Зачем ментам инсценировать ментовский же наезд? – В логике Медведю было не отказать.

– Думаешь, Коля Колыма от себя действовал? – спросил Тюпа.

– Вряд ли, – покачал головой Медведь. – К «зверькам» переметнулся, «ментовский наезд» – это явно их почерк. Было уже такое. А «рыжье» разделили, не иначе. Короче, надо искать.

– А как искать?

– Неужели не ясно? Ментов напяржи! Раз он блатарь, значит, ходки на зону у него были, и биография его у ментов есть. Одноклассники, дружки, родственники, подельники – в общем, все, у кого он сейчас спрятаться может. Не на улице же он поселился, кто-то его пустил перекаптоваться.

– Он китобоем работал на флоте, я слышал, – сказал Тюпа. – Может, там знакомые у него есть?

– Бывший китобой, говоришь? Наверняка флотские дружки остались. В общем, архивы поднимешь, все выяснишь и припрягай пацанов, пусть ищут. – Медведь махнул рукой на сидящих за столом парней. – Чтобы такие филки да не через нас?!

Сидящие за столом ответили ему одобрительным ропотом. Было заметно, что призрак золота их заворожил, и ради такого куша они готовы постараться.

Глава 9

По центру Магадана неторопливо катил старенький серый джип – тот самый, что минувшей ночью подъезжал к дому Коли Колымы. Сидящий за рулем остролицый черноволосый мужчина внимательно смотрел по сторонам. Было похоже на то, что он по описанию или адресу ищет какой-то дом, в котором раньше не был.

– Так, Советская, двадцать девять... Кажется, здесь, – тихо пробормотал он себе под нос, очередной раз посмотрев на улицу, и притормозил рядом с четырехэтажным домом сталинской постройки. Тем самым, со двора которого меньше получаса назад выехал джип с главой «Ингушзолота» и его охранниками.

Остролицый водитель джипа остановился напротив дома, на другой стороне улицы, и заглушил мотор, но из машины не вышел. Это было странно. В Магадане водители, остановившись, двигатель, как правило, не глушат, чтобы не тратить потом время на то, чтобы его разогреть. Ведь по здешнему холоду остывают моторы очень быстро, а прогреть их бывает нелегко.

Однако дальнейшие действия водителя объясняли, зачем он заглушил двигатель. Сначала он поднял голову и внимательно посмотрел на окна последнего, четвертого, этажа стоящего через дорогу дома. Губы его беззвучно зашевелились, он явно высчитывал окна нужной ему квартиры. Спустя несколько секунд он удовлетворенно кивнул. Видимо, этот жест был у него чем-то вроде дурной привычки. Потом он обернулся и достал с заднего сиденья джипа большую картонную коробку. Открыв ее, вынул замысловатый прибор, напоминавший странную помесь старинного мушкета и современной кинокамеры. Прибор явно был импортного производства. В отдельном гнезде в коробке лежали запечатанные в пластик наушники. Остролицый вытащил их, аккуратно размотал провод, которым они были обмотаны, подсоединил наушники к прибору и надел их на себя.

Потом он вставил в прибор четыре нестандартного вида батарейки, нажал черную кнопку и направил эту штуковину на выбранное окно. Прибор был не чем иным, как новейшим, немецкого производства лазерным устройством для подслушивания разговоров, ведущихся в закрытых помещениях. Невидимый лазерный луч мог считывать колебания оконного стекла и позволял услышать все, что происходит в комнате. Разумеется, если не было помех – например, таких, как работающий двигатель автомобиля, создающий сильную вибрацию и смазывающий сигнал.

Но, судя по всему, державший прибор мужчина об этом прекрасно знал, поэтому-то он и заглушил двигатель джипа. И вообще, по его уверенным движениям было сразу видно, что он занимается прослушкой далеко не в первый раз и успел прекрасно изучить капризное устройство.

Надев наушники, остролицый водитель джипа немного подкрутил сначала одно, а потом другое колесико настройки и, наконец, видимо, довольный слышимостью, надолго замер в почти полной неподвижности, внимательно вслушиваясь.

Время шло, мимо джипа проходили редкие пешеходы, с неба посыпался мелкий снег, а мужчина продолжал терпеливо слушать. Наконец, спустя примерно полчаса после начала прослушки, он снова кивнул сам себе, снял наушники и, выключив свой прибор, вернул его на заднее сиденье. После этого он достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

– Да? – послышался в трубке напряженный мужской голос.

– Сын Гамзаева дома один. Режется в какую-то компьютерную игру. Домработница ушла. Хозяина нету. Он своему заму стрелу кинул, будет, наверное, не скоро.

– Конечно, не скоро! – согласился с остролицым его собеседник. – Все «черные» в офисе, ситуацию прокачивают, боятся, чтобы наезд на них не повесили. Короче, надо действовать. Прямо сейчас.

– Думаешь, поможет? – В голосе остролицего отчетливо звучало сомнение.

– Уверен, – решительно отозвался голос в трубке. – Кроме сына, у этой черножопой сволочи больше никого нету. Ради него и живет.

– Хорошо. Тогда я приступаю.

Водитель джипа выключил телефон, спрятал его в карман, а затем, прихватив с собой небольшой кейс с цифровым замком, вышел из машины и спокойно пошел к дому, в котором жил Гамзаев. Он перешел дорогу, обогнул дом и, ненадолго притормозив у дверей, чтобы осмотреться, вошел в третий подъезд. Квартира Гамзаева располагалась на четвертом этаже во втором подъезде.

Остролицый поднялся на четвертый этаж, подошел к двери угловой квартиры и уверенно свернул в темный закуток, в котором находилась ведущая на чердак лестница. Он медленно и осторожно, чтобы не издать ни одного громкого звука, поднялся по лестнице. Здесь его ожидало неожиданное препятствие – дверь на чердак была закрыта на здоровенный висячий замок.

Остролицый нагнулся, внимательно присмотрелся к замку и слегка усмехнулся. Эта усмешка ясно говорила о том, что серьезной помехой для него этот замок не станет. Он сунул руку в карман и вытащил складной ножик с несколькими лезвиями и английскую булавку.

Замок сопротивлялся меньше минуты, а потом щелкнул и разомкнулся. Остролицый аккуратно спрятал нож и булавку в карман и пролез на чердак. На чердаке было темно, пыльно и сильно пахло кошками. Лестницу, ведущую на крышу, пришлось искать на ощупь, но, судя по всему, вторгнувшегося сюда мужчину это нисколько не смутило, он вел себя как человек, абсолютно уверенный в своих силах.

Взобравшись по лестнице, он размотал проволоку, которой был прикручен люк, и вылез на крышу. Здесь он несколько секунд стоял неподвижно, осматриваясь по сторонам, а потом, закрыв за собой люк и стряхнув с перчаток грязь и ржавчину, присел на корточки и открыл кейс, пробормотав себе под нос:

– Ну что ж, начнем.

По злой холодной усмешке, на мгновение исказившей его лицо, было понятно, что вряд ли он собирается взяться за какое-нибудь хорошее дело.

Глава 10

Рядом с небольшой частной автосервисной мастерской остановилась красная «Хонда». Вышедший из нее высокий мужчина уверенным шагом подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь легко открылась, и он вошел в мастерскую. По его движениям было заметно, что заходит он сюда не в первый раз.

Мастерская выглядела вполне обычно. Вдоль некрашенных стен большого ангара стояли несколько побитых машин, на подъемнике – полуразобранный микроавтобус, а в углу, под кучей промасленных тряпок, большой грудой, разобраться в которой смог бы, наверное, только хозяин мастерской, были свалены детали от нескольких разобранных двигателей.

Вошедший дошел до середины зала, замедлил шаги, повертел в разные стороны головой и, не обнаружив никого живого, негромко позвал:

– Серега, Вадик! Вы где?

Ответа не было, и, подождав несколько секунд, он крикнул еще раз, погромче:

– Вы что, спите, что ли?! Серега, Вадим! Вы здесь?

Ответа снова не было. Мужчина покрутил головой, что-то пробормотал себе под нос и прошел в дальний конец зала – к деревянной двери, обитой дерматином.

– Вы здесь, что ли? – снова громко спросил он, сильно стукнув в дверь кулаком.

Не дождавшись никакой реакции, он потянул дверь на себя, но она оказалась запертой.

– Свалили они, что ли, куда? – задумчиво пробормотал мужик. – Эх, раздолбаи, хоть бы входную дверь закрыли, а то входи кто хочешь.

Еще несколько раз стукнув в дверь и окончательно удостоверившись, что его друга Сереги, хозяина этой мастерской, нет на месте, мужик вышел из ангара, аккуратно прикрыл дверь, сел в свою «Хонду» и укатил. Автомастерских в Магадане много, отвалил куда-то Серега. Ну что ж, на нем свет клином не сошелся.

Водитель «Хонды» не знал, как ему повезло. Прояви он хоть немного больше настойчивости, и он закончил бы этот день в больнице. А то и в морге, это уж как повезло бы. Серега никуда не отвалил. Он сидел в комнате за той самой обитой дерматином дверью и прекрасно слышал, как в нее стучался его друг. Но ответить он не мог. Вставленный в рот ствол пистолета Макарова – достаточно веская причина для молчания.

А у Вадима, помощника Сереги, для молчания была еще более веская причина. Когда раздался стук в дверь, он лежал под столом без сознания и, судя по силе нанесенного ему удара, находиться в таком состоянии ему предстояло еще никак не меньше пары часов. А то и побольше.

– Свалил, что ли? – спросил спортивного вида парень, державший пистолет во рту хозяина мастерской, у своего стоявшего у двери напарника, с которым они были похожи, как цыплята, вышедшие из одного инкубатора: одинаковые спортивные костюмы, мощные плечи и руки, мясистые коротко стриженные затылки. Сразу видно, что ребята занимались каким-то из силовых видов спорта. Чуть ли не единственным различием между ними было то, что стоявший у двери был брюнетом, а у второго волосы были светлые.

– Вроде да... Погодь базарить, не слышно ни фига, – ответил брюнет и прижался ухом к двери. Через несколько секунд он сказал:

– Свалил. Дверь хлопнула. Можешь вынимать шпалер, теперь пусть орет, если хочет, хрен его кто услышит.

Светловолосый парень кивнул, вытащил изо рта у Сереги ствол и безглаголиво обтер его какой-то лежавшей на столе тряпочкой. Заставленная канистрами, запчастями и жестяными банками каморка, в которой они находились, служила в мастерской чем-то типа кладовой,

совмещенной с бытовкой. В углу стояли продавленный топчан и тумбочка, а в центре комнаты находился ободраный стол с телефоном.

За ним сейчас и сидел хозяин автосервиса – крепкий татуированный мужик с угрюмой рожей, прикованный к стулу двумя парами наручников, за левую руку и правую ногу. Одежда и волосы его были мокрыми и издавали резкий запах бензина. Лицо татуированного кривилось от злости, но ни звать на помощь, ни ругаться он не пытался, прекрасно понимая, что первое – бесполезно, а второе еще и опасно.

– Так ты нас хорошо понял? – спросил подошедший от двери брюнет, явно продолжая начатый до того, как им помешали, разговор.

С этими словами он вынул из кармана золотую зажигалку и медленно поднес ее к лицу татуированного Сереги. Тот постарался отвести голову в сторону, насколько позволяли стул и наручники. По мелькнувшему в его глазах страху было ясно, что у хозяина мастерской неплохое воображение и он отлично представляет себе, что с ним будет, стоит только спортсмену нажать на кнопку. Бензин вспыхнет моментально, и спасти его тогда уже не сможет ничто.

Он судорожно кивнул.

– Если Колыма хоть что-нибудь заподозрит – тебе не жить. Ясно?

Татуированный снова кивнул.

– Да ты не трясись башкой, – злобно прошипел спортсмен. – Словами скажи! Ясно тебе или нет?

– Да.

– Вот и отлично, – сказал брюнет. – Тогда ждем.

Но долго ждать им не пришлось. Едва брюнет успел это сказать, как стоявший на столе телефон зазвонил. Татуированный вздрогнул, секунду помедлил, но под страшным взглядом брюнета, снова поднесшего к его лицу зажигалку, взял трубку.

– Алло, Колян? Рад тебя слышать! – Голос хозяина автосервиса звучал немного напряженно, но в целом вполне естественно. Несколько секунд он слушал, что говорит его собеседник, а потом ответил:

– Конечно, помогу! Какой базар, пять лет одну зону топтали. Ну конечно, один. Вадик еще тут, помощник мой, но он с тачкой срочной сейчас возится...

Светловолосый спортсмен одобрительно кивнул. А Серега продолжал разговор:

– Что тебе надо? Честные ксивы за три дня сделать? Да еще загранпаспорт моряка? Погоди, кореш, это ты нереально заряжаешь!

Брюнет резким движением поднес к лицу татуированного зажигалку, почти до половины утопил кнопку и несколько раз кивнул. Не понять его было невозможно, он явно требовал, чтобы Серега пообещал хоть птичье молоко, хоть луну с неба, но заманил Колыму к себе.

Хозяин автосервиса побледнел, но послушался:

– Слушай, совсем забыл! Можно это дело оформить. У меня тут как раз один кореш откинулся, «простыни» лепит лучше натуральных! Сделает все, будь спок. Приезжай!

Сказав это, Серега замолчал, ожидая ответа, но спустя пару секунд выражение его лица неумовимо изменилось, по нему словно пробежала волна облегчения, смешанного со страхом. Он молча протянул телефонную трубку брюнету. Тот схватил ее, поднес к уху.

В трубке слышались длинные гудки.

В это время на другом конце города Коля Колыма, засунув озябшие руки в карманы, быстрым шагом удалялся от будки телефона-автомата. Колыма был умен, и жизнь многому его научила, в том числе и тому, что никому нельзя доверять без оглядки, всех всегда нужно проверять. На этот раз, как Колыма прекрасно понимал, эта привычка спасла ему жизнь.

Надо же, все корочки Серегин кореш за три дня сделать возьмется! В том числе и загранпаспорт моряка! Может, тогда он и удостоверение министра МВД за полчаса сбавит?! В общем, ясно, что к Сереге соваться нельзя. Что ж, это не единственный вариант. Кто бы его ни

ловил, они не смогут перекрыть все его связи: хотя бы потому, что о некоторых знает только он сам и больше никто.

Колыма перешел улицу и твердым шагом пошел к ближайшему перекрестку. Ему был нужен работающий телефон, а пользоваться два раза подряд одним и тем же он не собирался. Несмотря на то что один из самых надежных вариантов только что обломился, ни в походке, ни в выражении лица Коли Колымы не было ни следа слабости, усталости, страха или отчаяния. В его характере была одна редкая черта – он просто не умел ни отчаиваться, ни сдаваться.

Глава 11

Черноволокный мальчик, сидящий в инвалидной коляске перед экраном компьютера, нажал на клавишу «ввод». Из динамиков послышалась музыка, соответствующая началу уровня, и мальчик полностью погрузился в игру. В свои неполные четырнадцать лет он был настоящим фанатом компьютерных игр, всевозможных бродилок и стрелялок. Но упрекнуть его за это было трудно – у компьютерных героев, которыми он управлял с помощью «мыши», джойстика или клавиатуры, были здоровые ноги, и они могли идти куда хотели – вернее, куда он хотел.

Раньше мальчик любил играть на компьютере и в спортивные игры: футбол, хоккей, баскетбол... Но последний год он почти совсем перестал в них играть. Мальчик вырос и понимал, что его болезнь неизлечима и он никогда не сможет поиграть в футбол по-настоящему, хотя его сверстники даже в Магадане и даже зимой находили такую возможность в спортивном зале школы или какого-нибудь клуба. Рашид очень им завидовал.

Именно поэтому компьютерные игры такого типа стали его скорее раздражать, чем утешать. Каждый раз, когда он садился за них, это напоминало ему о его болезни. С бродилками и стрелялками было проще. Все-таки, даже будь у него здоровые ноги, вряд ли он сумел бы поохотиться на монстров в подземном лабиринте или поуправлять космическим кораблем, сражающимся с пришельцами.

Сейчас мальчик только что прошел уровень, с которым мучился весь сегодняшний день, и попал на новый. Здесь все было ему еще незнакомо, и поэтому он старался идти медленно и очень осторожно. Кроме того, у него уже устали глаза, слишком долго он просидел за компьютером.

Так, вот вход в какой-то подземный бункер... Остороженько, медленно... Какая-то зеленая тварь с плазменным мечом идет навстречу – не проблема, таких он уже видел и справлялся, меч у нее маломощный – чтобы воспользоваться им, твари нужно подойти вплотную. Такие опасны только на первом уровне или если их очень много.

На, на, на, получи!

После каждого попадания из груди твари брызгала зеленая кровь. Ох, кажется, жизненной силы у нее побольше, чем у тех, с которыми он имел дело до сих пор, только с четвертого выстрела свалилась.

Идем дальше... Какие-то ящики. Нужно посмотреть, что в них...

Мальчик нажал кнопку «прыжок», компьютерный герой, с ног до головы увешанный разнообразной амуницией, прыгнул на ящики, но там не оказалось ничего интересного, и мальчик заставил его спуститься и идти по прежнему маршруту. Герой вышел из бункера и снова пошел по открытому пространству. Неожиданно музыка изменилась, стала более тревожной и угрожающей – это было верным признаком того, что сейчас появится какой-то новый опасный враг.

Так и оказалось. Герой как раз проходил мимо развалин какого-то дома или склада, из этого здания на него и набросились. Настоящая массированная атака. Три зеленых твари с плазменными мечами – из двери, две серых с лазерами – из окон чердака, из окна первого этажа какие-то щупальца показались, да еще спереди появилось какое-то странное, невиданное им прежде существо на восьми ногах, похожее на паука с крокодильей мордой. Чем же оно вооружено?

Очень скоро Рашид узнал ответ на этот вопрос. Пока его герой отстреливался от вылетевших из дома тварей, восьминогий крокодил подбежал поближе и швырнул в него какой-то предмет. Герой успел отскочить, но, едва коснувшись земли, предмет, оказавшийся мощной гранатой, взорвался. Красная вспышка озарила экран, и компьютерный герой медленно осел на землю.

Монитор компьютера потускнел, и на нем высветилась надпись: «Game over». Рашид закинул руки за голову и потянулся. От долгого сидения за игрой у него затек позвоночник.

Может быть, запустить этот уровень еще раз? Нет, пожалуй, надо дать отдохнуть глазам, папа предупреждал, что если играть слишком долго, то может испортиться зрение.

Рашид протянул руку к «мышь», собираясь выйти из игры и выключить компьютер, но в этот момент взгляд его совершенно случайно упал на окно. За окном, на уровне форточки, в воздухе висела привязанная к какой-то длинной палке граната «Ф-1».

Рашид сразу понял, что это такое. По своим играм он неплохо знал, как выглядит такая граната, только что он сам такими же уничтожал монстров. Знал он, и на что она способна.

На несколько секунд мальчик оцепенел, как птица под взглядом кобры, и словно замороженный смотрел, как граната медленно опускается. Вот она все ниже и ниже, вот уже миновала форточку, вот спустилась до середины окна...

За эти несколько секунд Рашид успел очень хорошо рассмотреть гранату – и ее саму, и скотч, которым она была примотана к палке, и леску, которая была привязана к чеке. Именно вид этой лески и вывел Рашида из ступора. Он в мгновение ока осознал, что стоит тому, кто опускает гранату, дернуть за леску, как она взорвется, и тогда...

Мальчик лихорадочно схватился за рукоятки, управляющие колесами его коляски. Он выехал из-за стола и попытался развернуться. Руки у него тряслись мелкой дрожью и не слушались, коляска, как назло, разворачивалась медленно – куда медленней, чем опускалась граната.

Рашида пробил холодный пот. Он прекрасно понимал, что на счету каждая секунда, что если он не успеет выехать за дверь, то погибнет, и именно из-за этого совершил ошибку. Он поторопился, начал крутить колеса раньше, чем коляска окончательно развернулась, и она уперлась в шкаф.

Мальчик попытался развернуть к двери, но шкаф был слишком большой, объехать его никак не получалось. Рашид дал задний ход, но теперь, после поворота, сзади оказалось кресло, и коляска уперлась в него. Рашид бешено задергал ручки, но коляска не слушалась.

Он в ловушке!

Мальчик в панике оглянулся на окно и увидел, что граната перестала опускаться, теперь она неподвижно висела чуть ниже середины окна. Значит, тот, кто ее спускал, может в любой момент дернуть за леску! Нужно спасаться!

Рашид изо всех сил дернул за ручку, потом оттолкнулся от шкафа. Ему показалось, что коляска стронулась с места, и он со всей силой отчаяния оттолкнулся от шкафа еще раз. Коляска накренилась и упала на бок. Рашид вывалился из нее, ткнулся лицом в пол и на руках пополз к выходу из комнаты.

Может быть, он успеет доползти до двери и открыть ее, а в той комнате есть телефон, он позвонит папе, папа приедет и спасет его...

Но он не успел.

За спиной раздался взрыв. Свистящая смерть прошла по комнате, сметая все на своем пути. Ударная волна вынесла все оконные стекла, водопадом посыпавшиеся на пол, сбросила со стола и впечатала в стену компьютер, разлетевшийся вдребезги; осколки посекали стены и ковры, разнесли аквариум с золотыми рыбками, срезали с потолка люстру.

Но Рашиду повезло.

В момент взрыва между ним и окном находилась его коляска, в нее и впечатались те осколки, которые, не будь ее, поразили бы мальчика. Правда, не все. Один осколок чиркнул его по боку, а второй касательно задел по правому бедру. Взрывной волной мальчика бросило на шкаф, он сильно ударился головой об его угол, рассек бровь, разбил нос и губы. Сзади в него ударила отброшенная в том же направлении спасительная коляска, но по сравнению с прочим это уже были мелочи.

Рашид лежал в углу, придавленный коляской и засыпанный осколками стекла. Он почти ничего не слышал, мир вокруг него словно бы медленно поплыл по кругу, но сознания он так и не потерял. Постепенно вращение комнаты стало замедляться, мальчик начал приходить в себя. В первую очередь он почувствовал тошноту и резкую боль сразу в нескольких местах. Больше всего болела голова. Он потрогал рукой лицо – оно было все в мокрой и липкой крови. Еще болел затылок – по нему стукнула спинка коляски. Боли в ноге и боку мальчик пока не чувствовал, но ощущал, что под одеждой по нему ползут теплые струйки.

Он попытался пошевелиться. Не сразу, но ему это удалось. Он выбрался из-под коляски и, рана ладони об острые осколки, которыми был усыпан пол, пополз к двери.

«Нужно позвонить папе, – билось у него в голове. – Папа приедет и поможет».

Рашиду удалось открыть дверь комнаты, но по коридору он смог проползти только несколько шагов. Травмы и потеря крови наконец сыграли свою роль, и он потерял сознание. Именно там, в коридоре, лежащим без сознания в луже крови его и нашли через несколько минут ворвавшиеся в квартиру оперативники районного УВД.

Глава 12

Магаданское областное управление исполнения наказаний располагалось в мрачном пятиэтажном здании сталинской архитектуры, стоящем в центре города. Впрочем, разумеется, не только оно – кроме УИНа, здесь же располагались СКМ, ОБЭП, РУБОП и прочие отделы УВД. В отличие от многих своих сверстников, это здание было недавно отремонтировано и имело очень приличный вид. Окна нижних этажей украшали толстые кованые решетки, входная дверь была дубовой, а в Магаданской области пригодная для таких дверей древесина – вещь очень ценная и редкая.

Дубовая дверь здания распахнулась, и на пороге показался пожилой толстый человек с висящими щеками и несколькими подбородками на обрюзгшем лице. У него были невыразительные водянисто-серые глаза и очень густые кустистые брови, из-за них он немного напоминал Брежнева лет в шестьдесят. Двигался он медленно и, как ему казалось, с достоинством, но на самом деле со стороны напоминал престарелого раскормленного гуся. Впрочем, ничего удивительного в этом нет – весил он больше ста килограммов, а хоть чем-то похожим на спорт бросил заниматься больше двадцати лет назад. Он тогда решил, что несолидно подполковнику прыгать с теннисной ракеткой. Звали этого человека Игорь Георгиевич Панкратов. Двадцать лет назад он получил подполковника, а сейчас был генерал-майором и занимал ответственный пост начальника областного УИНа.

Учитывая специфику Магаданской области, в которой лагерей раза в два побольше, чем обычных населенных пунктов, фигурой Панкратов был очень и очень значительной, но, несмотря на это, особым уважением в области не пользовался. Продажных ментов никто, никогда и нигде не уважает, даже те, кому их услугами приходится пользоваться. Особенно если такой мент занимает пост, который и без взяток позволяет не думать о том, что на хлеб намазать. Хотя, вернее сказать, именно об этом думать такие посты и заставляют, благо выбор велик. Икра красная, икра черная. А может, и на простое сливочное масло потянет, как знать? Ведь все нынешние генералы были когда-то простыми советскими людьми.

Про то, что Панкратов берет, знали практически все, но поймать его за руку было очень трудно и небезопасно, да к тому же не факт, что тот, кто придет на смену, будет лучше.

Панкратов стал медленно спускаться с высокого крыльца, вставая на каждую ступеньку обеими ногами. В начале этой зимы он поскользнулся и упал с крыльца на глазах у нескольких подчиненных. Хорошо еще, что ничего не сломал, но ущерб своему авторитету иные начальники ощущают даже болезненнее, чем физические повреждения. С тех пор Панкратов старался спускаться с крыльца как можно медленнее и осторожнее, не понимая, что это роняет его авторитет куда сильнее, чем то падение. В конце концов, поскользнуться и упасть может кто угодно.

Спустившись с крыльца, Панкратов неожиданно остановился. Шофер ждавшей его служебной машины сперва не понял, с какой это стати его шеф встал у крыльца, но спустя полминуты все разъяснилось. Откуда-то сбоку, со стороны дороги, появилась шагающая быстрым шагом фигура начальника СКМ области генерала Коробова.

«Ясно, – подумал шофер панкратовской машины, – заметил Коробова и ждет его. Интересно, что ему от Коробова нужно?»

Тем временем Коробов подошел к крыльцу.

Панкратов шагнул ему навстречу и протянул руку.

– Здравствуй, Дмитрий Сергеевич, – преувеличенно радостно сказал он.

– Здравствуй, – коротко ответил Коробов, неохотно пожимая протянутую руку.

Панкратов заслонял собой крыльцо и посторониться явно не желал. Что-то ему нужно, видимо, и пока своего не получит, не отвяжется.

– Как твои дела? Ничего? – спросил Панкратов так, словно они мирно сидели на кухне за чашкой чая, а не стояли у входа в здание областного УВД в двадцатипятиградусный мороз.

– Да ничего, идут помаленьку, – отозвался Коробов. – Правда, работы навалом...

Но Панкратов сделал вид, что не понял прозрачного намека.

– Ну да, конечно. У вас-то работы всегда хватает.

«Можно подумать, твое ведомство от безделья мается! – подумал Коробов. – Говорил бы, чего надо поскорее, лис старый, а не ходил вокруг да около!»

– Кстати, а как у вас дела с расследованием налета на Октябрьской? – словно бы невзначай поинтересовался Панкратов. – Я слышал, что это Гамзаев со своими ингушами на блатных наехал. Как, эта версия подтверждается? Нашли этих псевдомилиционеров?

– Да нет пока, – развел руками Коробов. – Ищем. А что тебя, Игорь Георгиевич, этот налет так заинтересовал? Не первый раз уже спрашиваешь.

– Ну как же! Дело-то резонантное! – с деланным удивлением ответил Панкратов. – В СМИ передавали, я сам в областных новостях видел...

– Понятно... – протянул Коробов. – В общем, пока у нас есть несколько версий, мы по всем работаем. Версия с Гамзаевым и ингушами – одна из них. Почерк и правда похож на их, но доказать это, конечно, будет трудно. Может быть, их просто подставить пытаются. А вообще-то в городе назревает большая война. Блатные этого наезда так не оставят, иначе их совсем уважать не будут. За последние два года они и так несколько лучших приисков сдали ингушам и спортсменам, я уже, признаться, давно ждал, когда они попытаются отыгаться. А теперь еще и это. Обязательно будут искать налетчиков, а им-то доказательств для суда не нужно, сами разбираться станут. И ингуши, если это на самом деле не они, настоящего виновника искать будут. Да и золота украденного слишком много, чтобы его в покое оставили. На такой кусок всякий зарится. Оперативные источники сообщают, что спортсмены активизировались... Так что война наверняка будет, и немаленькая.

– Неудивительно, – кивнул Панкратов. – Столько золота. Кстати, а золото... – Он осекся, наткнувшись на острый взгляд Коробова.

– Что золото? – со значением спросил он.

– Да нет, ничего, – тут же пошел на попятную Панкратов. – Просто я хотел спросить: не нашли ли вы его?..

– Нет, – отрицательно помотал головой Коробов, пряча усмешку. – Может быть, как начнется война, так и золото где-нибудь всплывет. Ладно, Игорь Георгиевич, мне идти надо, работы много. Счастливо!

Они пожали друг другу руки и разошлись. Панкратов сел в машину и укатил, а Коробов направился к себе в кабинет, где его уже поджидало сообщение о том, что ожидаемая им война началась. Взрыв гранаты, от которого чуть не погиб сын Гамзаева, произошедший буквально за десять минут до его разговора с Панкратовым, можно было считать началом боевых действий. Собственно, так оно и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.